

Михаил СЕРЕГИН

Я - ВОР

В ЗАКОНЕ

**РАЗМОРОЖЕННАЯ
ЗОНА**

Блатной

Михаил Серегин

Размороженная зона

«Научная книга»

2004

Серегин М. Г.

Размороженная зона / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2004 — (Блатной)

Бунт на зоне называется разморозкой. Это когда зэки, доведенные до крайности начальственным беспределом, «мочат» сук-активистов и воюют даже со спецназом. Начальник лагеря подполковник Васильев бунта не хотел, но закрутил гайки до упора сознательно: ему нужен чемодан с ценным грузом, а смотрящий за зоной Батя обязательно пошлет на волю маляву с наказом доставить сюда чемодан – только получив его содержимое, он может одолеть «хозяина». Вот пусть и летит на Колыму «грузняк», а Васильев его перехватит... План четкий, но и Батя не так прост. У него свой план, как заполучить груз и с умом им распорядиться...

Содержание

1	5
2	13
3	17
4	20
5	24
6	28
7	35
8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил СЕРЕГИН

Размороженная зона

1

Осень в Колымском краю – совсем не то же самое, что в европейской части России. Здесь в это время года нет ни дождей, ни листопадов – на землю давно и прочно лег снег, а температура воздуха не поднимается выше минус двадцати.

Да и это только в самом начале сентября, а дальше отличить колымскую осень от зимы и вовсе нельзя. Неяркое солнце почти не греет. Оно кажется совсем маленьким и далеким, на него можно спокойно смотреть не прищуриваясь, и даже не верится, что этот же маленький шарик светит над тропиками, над экватором. Мир становится монохромным, в тундре царствует белый цвет, цвет покрывшего все снега. Ни звука, ни движения. Только иногда со стороны виднеющихся на горизонте сопок налетает короткий порыв холодного северного ветра. Он поднимает в воздух мелкую снежную пыль, несет колючее облако над тундрой и, неожиданно выбившись из сил, снова роняет. И опять все тихо, неподвижно и неизменно. Жизнь в тундре на это время замирает и прячется. До того времени, когда короткая весна и лето растопят снег и сделают тундру пригодной для жизни, остается десять долгих месяцев, прожить которые очень непросто.

Но есть все же одно исключение из этого правила. И это исключение – человек, вторгшийся в жизнь сурового дикого края. В паре километров от заснеженных сопек, посреди белой равнины, виднелось несколько темных пятен. Это был лагерь. Один из многих лагерей, расположенных в Магаданской области, ничем на первый взгляд не примечательный. Судя по архаического вида вышкам для часовых, стоявшим по углам обтянутого колючей проволокой высокого забора, лагерь был довольно старым, может быть, помнившим времена наркомов – Берии или даже Ежова. Это тоже было совершенно нормально, с тех пор новых лагерей на Колыме не строили и тех, что есть, было вполне достаточно, большую часть даже закрывать пришлось.

Над лагерем поднималось несколько столбов густого черного дыма, быстро растворяющегося в сером небе. В стывшем воздухе раздавался хриплый лай овчарок и невнятные окрики конвоиров, гнавших зэков на утренний развод.

– Пошевеливайся! – рявкнул здоровенный детина в новеньком тулупе, поддавая кулаком между лопатками отставшему от своей колонны зэку. Тот бросил на конвоира злобный взгляд, но ускорил шаги. Конвоир явно был новеньким и поэтому особенно рьяным, не успевшим, видимо, еще осознать, что практически он находится с зэками в одних и тех же условиях – север есть север, а лагерь есть лагерь. Разница только в том, что зэки знают, за что они здесь, а ему просто так уж повезло.

Привычно успокоив себя этими мыслями, зэк встал в общий строй, переминавшийся с ноги на ногу на плацу. Было холодно – минус двадцать пять, а держали здесь их уже дольше, чем обычно, и отпускать пока явно не собирались. Вообще все шло не как всегда. Даже конвоиров было раза в три больше, чем в обычные дни. В лагере, где жизнь размеренна и предсказуема, любое изменение мгновенно вызывает интерес и беспокойство – перемен к лучшему зэки ждать не привыкли. В рядах уже слышался ропот:

– Чего стоим-то?

– Кого ждем?

– Опять хрень какую-то придумали...

Конвоиры, к которым несколько зэков уже обращались с вопросами, стояли молча, с непроницаемыми лицами. Впрочем, как прекрасно понимали заключенные поопытнее, они и

сами наверняка ничего не знали. С какой стати лагерное начальство будет рядовым вертухаям о своих планах докладывать?

Наконец рядом с возвышавшейся над плацем стеклянной башенкой ДПНК показалась знакомая всем арестантам фигура. Это был начальник лагеря подполковник Алексей Иванович Васильев. Он был невысок, толст и краснолиц, одет в новый, блестящий овчинный полушубок, меховые рукавицы и расписной якутский малахай. Как начальник лагеря он мог позволить себе одеваться не по форме.

Эки Васильева очень не любили. Конечно, трудно ожидать, что арестанты будут хорошо относиться к своему главному тюремщику, но в данном случае дело было не только в этом. Начальники ведь бывают разные. Есть такие, которые просто точно исполняют приказы начальства, потому что это их служба. Но бывают и другие, которые еще и получают от этого удовольствие, пытаются выслужиться. Выслужиться же на такой должности можно только за счет заключенных. Подполковник Васильев был как раз из таких.

– Появился, вонючка, – раздался в строю чей-то негромкий голос. – Чего он еще выдумал?

– Всем молчать! – грозно рыкнул конвоир.

Строй затих. Правда, не столько потому, что испугался вертухая, сколько для того, чтобы лучше услышать то, что собирается сказать гражданин начальник. В этот момент со стороны барачков охраны к плацу подошли еще десятка полтора вертухаев, четверо из них вели на поводках здоровенных овчарок, натасканных на эков. Теперь здесь находились почти все охранники лагеря. Напряжение, повисшее над плацем, сгущалось, как грозовая туча, и ощущалось все отчетливее. Было совершенно ясно, что назревает что-то нехорошее.

Васильев тем временем вошел в башенку ДПНК, поднялся наверх, и теперь его силуэт виднелся за стеклом. Раздался характерный треск, с каким включались старые динамики, висевшие на башенке, и над плацем разнесся голос начальника:

– Слушайте меня все очень внимательно, повторять не буду. В ГУИН Минюста наконец приняли решение, которое уже давно нужно было принять. И теперь порядки у нас тут будут совсем другие.

Васильев сделал небольшую паузу, чтобы его слушатели лучше осознали сказанное.

– Здесь у вас была так называемая «черная» зона. И жили вы тут не как полагается по законам России, а по вашим воровским понятиям. Кто отказывался от работы – не работал, кто хотел на волю записку передать – передавал, в карты резались как хотели да и жрали вы не только пайку. Так вот я вам говорю – теперь с этими порядками кончено. Зона тут будет «красная». Работать будут все, а ваши уголовные запреты администрации до лампочки. Закон для всех вас будет один – устав! А те, кому это не нравится, будут крыть своими дырявыми легкими и вшивыми спинами цемент в ШИЗО и в карцере! И все эти смотрящие, паханы и подпаханники – в первую очередь! На свободу вы, быдло, выйдете или с чистой совестью, или ходячими трупами! А для особенно упертых у нас тут участок номер четыре имеется. Ну а чтобы вы не думали, что вас просто пугают, я вам сейчас устрою небольшую демонстрацию серьезности намерений.

Голос начальника смолк, и его силуэт за стеклом исчез. Васильев явно спускался вниз. Над плацем висела мертвая тишина. Заключенные настороженно переглядывались, они еще не поняли, насколько все это серьезно. То ли действительно администрация решила ввести новые порядки, то ли их просто пугают, на понт пытаются взять. Взгляды эков все чаще обращались в сторону стоявшей в первой пятерке фигуры в новом черном клифте. Это был высокий старик с умными серыми глазами, глубокими морщинами на лице, золотой фиксой и густо татуированными пальцами. В отличие от большинства арестантов, внешне он был совершенно спокоен, хотя именно его сказанное Васильевым и должно было коснуться в первую очередь. Просто потому, что он был смотрящим этой зоны. И не только ее.

Старика звали Вячеслав Сестринский, но куда больше он был известен как Батя, теневой хозяин всего Колымского края, имеющий право карать и миловать кого угодно прямо с этой зоны, куда он несколько месяцев назад попал своим хотением – нужно было разрулить кое-какие косяки и навести здесь порядок. Все приближенные тогда советовали Бате послать кого-нибудь другого, не ходить самому – все-таки возраст есть возраст, а зона есть зона. Но смотрящий решил иначе. Он считал, что правильный блатной не должен перекладывать свои дела на других, особенно в такое время, как сейчас, когда людей, живущих по понятиям, становится все меньше. Все косяки он тогда разрулил за неделю, и после этого на зоне воцарились покой и порядок.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Сейчас Батя молча стоял в шеренге, сохраняя полное спокойствие на лице. Но до его ушей уже доносился нарастающий недовольный ропот и перешептывания.

– На фиг нам надо «красную» зону. Лучше уж на «черной» жить...

– Точно. И беспредела нет, даже «петухов» просто так не трогают... – эти слова донеслись до смотрящего справа, со стороны, где стояли не блатные, а обычные «мужики» и «шерстяные». Батя едва заметно кивнул. Он знал, что слова Васильева не вызовут энтузиазма даже у них, не говоря уже о правильных блатарях.

– Молчать! – снова раздался громкий окрик конвоира. – Всем молчать! – Он шагнул вправо и врезал одному из эков кулаком под дых.

– Сука... – раздалось из задних рядов.

– Кто сказал?! – Конвоир злобно оскалился, выискивая взглядом смельчака.

– Отставить! – раздался у него за спиной начальственный окрик.

– Есть! – мгновенно отозвался конвоир и шагнул в сторону, устремив преданный взгляд на подошедшего сзади Васильева.

– Не нужно торопиться, – спокойно сказал начальник лагеря. – Законопослушных мы трогать не будем, а остальных успеем еще. Никуда они от нас не денутся.

Он резко развернулся на каблуках и неторопливо пошел вдоль строя заключенных, заложив руки за спину. Со стороны Васильев очень напоминал ээсовца в Освенциме – такая же сытая довольная рожа на фоне шеренги полуголодных эков, такие же хозяйские замашки. Снег слегка поскрипывал у него под ногами, здесь этот звук казался неуместным, лишним.

– Есть ли среди вас так называемые блатные? – громко спросил Васильев, останавливаясь напротив центра шеренги, как раз там, где и стояли самые авторитетные блатари зоны, которых он, разумеется, всех знал пофамильно. Вопрос был чистой формальностью.

Из шеренги немедленно вышел здоровенный плечистый парень с густо татуированными руками и волевым лицом. Он возвышался над низеньким начальником лагеря больше чем на голову и смотрел прямо ему в глаза, сверху вниз.

– Ну, я блатной, – громко и с подчеркнутым вызовом сказал он, зло оскалившись. – Что сделаешь, гражданин начальник?

Эки затихли. Все они, от последнего «петуха» до блатных, прекрасно понимали, что если сейчас Васильев не сумеет достойно ответить на этот вызов, то и все нововведения останутся пустой формальностью. На самом деле зона как была «черной», так «черной» и останется, а вышедший из строя Казак, один из помощников смотрящего, станет героем «черной» масти. Но Васильев был готов. Он подчеркнуто неторопливо опустил руку в карман полушубка и вытащил оттуда красную повязку. Потом поднял руку, подавая сигнал. Тут же со стороны башенки ДПНК к нему подошел один из офицеров, несущий в руках грабли. Васильев взял их у него и шагнул к эку, протягивая ему повязку.

– Был блатным, а станешь примерным заключенным, – сказал он с недоброй ухмылкой. – Надевай повязку, бери грабли и иди разравнивай контрольно-следовую полосу на предзоннике.

Такого Казак явно не ожидал. Можно было предположить, что его попытаются просто заставить работать, такое иногда бывало. Но разравнивать КСП – ничего оскорбительнее для блатного придумать нельзя! В глазах зэка сверкнула ярость, он подался вперед, но стоявшие за спиной начальника лагеря охранники прикрыли «хозяина», а два других вертухая сделали по шагу вперед. Добраться до Васильева ему не дали бы.

– Так что, наденешь повязку?

– Воздержусь, – ответил Казак, с трудом усмиряя гнев. Он понимал, что сейчас, проявляя его, он только потешит Васильева, а значит, нужно говорить спокойно. – Я, гражданин начальник, родился, чтобы воровать.

– Уверен?

– Уверен. Пусть тебе КСП «суки» разравнивают, а я правильный блатной. Я буду жить как жил, как наш закон велит.

Васильев не ответил. Он повернулся в сторону здания лагерного штаба и кивнул. Тут же от штаба отделились четыре фигуры в эковских телогрейках. Они направились к шеренге, и зэки мгновенно узнали их. «Суки,.. Активисты. Самые верные шестерки администрации из числа заключенных. Именно они делали для „хозяина“ и для „кума“ все самые грязные дела, которые охранникам поручать не стоило. Четверка приближалась к вышедшему из строя зэку. Они были больше похожи не на людей, а на человекообразных обезьян, лица «сук» были такого гнусного вида, что их трудно было назвать лицами – звериные морды, да и только.

– Никому не шевелиться! – громко крикнул Васильев. – Имейте в виду, охрана на вышках проинструктирована, если кто дернется, стрелять будут без предупреждения.

Он повернулся к четверке активистов и снова кивнул.

Все четверо одновременно бросились на непокорного зэка. Первого он встретил мощным встречным ударом в челюсть, активист отлетел назад и упал на снег, но в этот момент второй и третий повисли у блатного на плечах, а четвертый, здоровенный бритый детина со скошенным лбом и выступающими надбровными дугами, сильно ударил его в солнечное сплетение. Зэк согнулся, державший его справа подсек ему ноги, и он повалился лицом вперед. Но упасть до конца ему не дали. «Суки» сноровисто схватили его под руки и поставили на колени. Двое держали его сзади – каждый двумя руками изо всех сил заламывал одну руку блатного за спину, а ногой упирался ему в сгиб колена. Третий, самый здоровый, навалился Казаку сверху на плечи, не давая дернуться.

– Давай, Чалый! – хрипло скомандовал здоровяк, обращаясь к четвертому активисту, отброшенному ударом кулака, но уже успевшему подняться с земли. Тот рукавом вытер кровь с подбородка и шагнул к зэку. Встав перед ним, он расстегнул ширинку и вытащил член. Казак яростно захрипел, дернулся, но державшие его знали свое дело, пошевелиться он не мог. Понимая, что с ним собираются сделать, блатной нагнул голову и что было сил уперся в грудь подбородком, но стоявший сзади активист схватил его за волосы и насильно поднял голову. Четвертый из «сук» шагнул вперед и мазнул зэка членом по губам.

Казак взревел, как раненый медведь, и рванулся так, что даже опытные в таких делах «суки» едва удержали его. Но было поздно – он уже был «законтачен», и все это видели.

– Был Мишей, а стал Машей, – громко сказал Васильев, глядя на опущенного блатаря. – Нормальный «вафел». В «сучий» отряд пойдет, в СВП. Уведите его!

К «законтаченному» подошли несколько вертухаев и, умело приняв его от активистов, потащили в сторону «сучьего» барака. Зэк яростно сопротивлялся, даже сумел мощным ударом головой назад разбить нос кому-то из охранников, но тут же получил по почкам и обвис на руках конвоиров.

– Есть ли среди вас еще так называемые блатные? – все с той же усмешкой спросил Васильев, глядя на притихший строй, ошарашенный увиденным беспределом.

Взгляды всех зэков снова обратились к смотрящему. Каждый зэк, неважно, блатной или «мужик», прекрасно понимал: если Батя сейчас промолчит, не вступится, то его авторитету конец, какой он тогда смотрящий? Да и не только авторитету его конец – конец тогда, пожалуй, и всем «черным» порядкам на этой зоне. Но если он вступится, тогда с ним сделают то же самое, что и с Казаком, вышедшим из строя первым! И тогда он уже будет не блатной в авторитете, а опущенный, не лучше «петуха»! Ни один блатарь ему тогда руки не подаст, за стол с собой не посадит, в этом воровской закон строг.

Смотрящий шагнул вперед.

– Батя, вор российский, – по всем правилам представился он, глядя на Васильева.

– И что, вор российский, – эти слова «хозяин» произнес с явной насмешкой, – будешь КСП разравнивать? Повязку наденешь?

Из спины у смотрящего словно вытащили какой-то жесткий стержень. Он опустил плечи, ссутулился и кивнул:

– Надену, начальник.

Напрягшиеся вертухаи слегка расслабились и немного ослабили бдительность. Не такой уж он и крутой оказался, этот смотрящий! Сломался, как сухое печенье! Хотя, с другой стороны, куда ему еще деваться было? В СВП-то, наверное, не хочется.

Васильев протянул Бате красную повязку. Блатной покорно взял ее. С другой стороны офицер протянул смотрящему грабли. И тут словно туго сжатая пружина распрямилась перед застывшим строем. С неожиданным для его возраста проворством смотрящий выхватил у офицера грабли, резко ткнул рукояткой его в живот, а на обратном движении со всего размаха заехал рабочей частью инструмента по загривку Васильева. Целился-то Батя по башке, но гражданин начальник успел чуть пригнуться. Следующим молниеносным ударом Батя подсек Васильева под колени, повалил на снег и что было сил пнул в лицо. Опомнившиеся вертухаи кинулись на блатного, но первый тут же получил тычок граблями в лоб, а второй боковой удар в голову, на несколько секунд оглушивший его. Смотрящий навалился на Васильева и продолжал пинать ногами. Это само по себе было страшным оскорблением, ногами на зоне бьют только «петухов», о которых запахло руки марасть. Навалившиеся сзади охранники и активисты никак не могли оттащить Батю, а оружия у них не было. По служебным инструкциям приносить на зону оружие нельзя, чтобы зэки не отобрали.

– Вышка, стреляй! – истошно заорал Васильев, силясь освободиться. – Стреляй!

Но вертухай на вышке не мог ничего поделывать, смотрящего от него закрывали спины навалившихся на него сзади «сук» и охранников. Единственное, что он мог, это не позволить другим зэкам вступить в драку, предотвратить общий бунт. В стылom воздухе над плацем раздался грохот, и длинная очередь взрыла землю перед уже качнувшимся было вперед строем. Зэки застыли – по инструкции, при бунте охрана на вышках имеет право открывать огонь на поражение, им потом за это и медалей понавесят.

Батя успел напоследок пару раз пнуть Васильева, прежде чем со всех сторон набегали еще несколько вертухаев и начали его метелить уже по всем правилам. Смотрящий врезал кому-то кулаком в челюсть, размахнулся граблями, но за них ухватилась чья-то рука, к ней тут же прибавилась вторая, третья, грабли вывернули у него из рук, а сзади, на плечах, уже повис кто-то здоровенный. Батя вывернулся, но тут же получил прямой удар в лоб, отшатнулся, наугад ткнул назад локтем, попал во что-то мягкое, но тут же получил сзади по голове, раз, другой... Свет перед глазами блатного помутился, и он осел на землю, а озверелые вертухаи со всех сторон навалились на него, пиная лежащего.

– Стоять! – раздался сзади громкий окрик. – Не убейте его, уроды! Под трибунал пойдете! – Васильев с помощью одного из офицеров уже привстал с земли и немного опомнился. – Стоять, кому сказано!

Разгоряченные охранники остановились, непонимающе глядя на начальство. Почему стоять? Этот урод еще и половины своей порции не получил. Ему после такого надо навалить так, чтобы он навсегда это запомнил, на весь остаток жизни!

– Стойте, – уже спокойнее сказал Васильев, медленно подходя к распростертому на снегу смотрящему. – Еще насмерть ненароком запинаете. А я не хочу, чтобы он так легко отделался. Я специально для него что-нибудь такое придумаю, что по всей Колыме легенды ходить будут... В ШИЗО его пока! Быстро!

Вертухаи взяли окровавленного старика под руки и потащили в сторону штрафного изолятора, а Васильев опять повернулся лицом к строю. Верхняя губа у него была разбита, а правый глаз стремительно заплывал огромным синяком, но выражение лица снова стало самоуверенным. По большому счету, происшедшее можно было назвать его победой. Пара синяков – это не так уж страшно, зато его самый опасный противник теперь обезврежен.

– Этот урод будет сидеть в ШИЗО до тех пор, пока я не решу, что с ним делать, – сказал Васильев, обращаясь к строю. – Может, там его и сгною, а может, и что поинтереснее придумаю. И имейте в виду, шмонать его будут каждые два часа. А если я узнаю, что вы к нему дорогу проложили... Вся зона у меня на кукуане будет вертеться! Никаких «дачек», никаких свиданок! Вы у меня еще попляшете! Это только начало! – Голос Васильева становился все злее, ярость рвалась наружу, распирала его. – Всех сгною, суки! Всех! До единого!

* * *

– Открывай давай, – отрывисто сказал один из конвоиров, державших неподвижного Батю под руки, дежурному по ШИЗО.

– Открываю, открываю, – отозвался тот, грохоча связкой ключей. – Давайте заносите...

Из распахнутой двери изолятора пахло сыростью и холодом, температура там была градусов на пять ниже, чем в коридоре. Сделано это было специально для максимального воздействия на попавших сюда эков, решившихся пойти против лагерной администрации. Конвоиры вошли в камеру и словно мешок с тряпьем бросили все еще не пришедшего в сознание смотрящего на цементный пол. Через несколько секунд дверь изолятора захлопнулась.

Штрафной изолятор официально предназначен для того, чтобы наказывать провинившихся заключенных, а неофициально – чтобы ломать непокорных. Но если прочитать официальное описание ШИЗО, то может показаться, что наказать или тем более сломать им не очень-то просто. Подумаешь, одиночное заключение и сниженная пайка. Зато никакой работы, никаких тычков от конвоиров, а двухнедельное одиночество не такое уж страшное испытание.

Все это так, но существует и обратная сторона. Хитроумная лагерная администрация давным-давно сообразила – для того чтобы пронять матерых эков, нужно что-то большее, и приняла соответствующие меры. Конечно, правилами регламентируется, что температура воздуха в тюремных помещениях, в том числе и в ШИЗО, должна поддерживаться не ниже плюс восемнадцати градусов. Но ведь всем известно, что с теплоснабжением бывают сбои даже в больших городах, что уж про зону говорить.

Так что в случае, если в лагерь неожиданно приедет какая-нибудь комиссия, то близкая к нулю, а то и отрицательная температура в ШИЗО будет объяснена именно так: нехватка топлива, прорыв трубы, сбои со снабжением... Но не извольте беспокоиться, это ЧП, мы приложим все усилия, чтобы его ликвидировать, а обычно у нас все в порядке.

Но эки прекрасно знают, что обычно как раз так и бывает. Холод – один из самых надежных союзников администрации в ее вечной войне с отрицаловом. В стенах любого ШИЗО есть щели, и это не случайная погрешность строителей, а железная закономерность. В условиях почти полной неподвижности и постоянного недоедания холод действует очень быстро и эффективно. А ведь кроме него есть и многое другое.

Сквозь бетонные стены изолятора кое-где проступали белые пятна. Это была соль, которую при строительстве нарочно подмешивали в цемент, чтобы помочь нарушителю поскорее получить какую-нибудь замечательную болезнь типа туберкулеза или катара дыхательных путей. Выйти-то из ШИЗО зэк, может, и выйдет, но полным доходягой, и всю оставшуюся жизнь лечиться будет, да и сколько той жизни останется-то? Года два-три, если повезет и братва на хороших врачей скинется.

Лежащий на мерзлом полу старик пошевелился. Сначала он с трудом приподнялся на руках, поднял голову, осмотрелся. В ШИЗО смотрящий попадал не в первый раз и, несмотря на головокружение и сильную боль, моментально сообразил, где он. С негромким стоном, глухо прозвучавшим сквозь стиснутые зубы, Батя поднялся сначала на колени, потом на ноги. Его сильно качнуло, под черепом словно взорвалась небольшая граната, а в животе как будто раскаленное сверло повернулось. Батя шагнул к стене, оперся о нее плечом и переждал приступ боли.

Больше всего ему сейчас хотелось снова опуститься на пол, но он знал, что лежать на ледяном цементе нельзя ни в коем случае. Час-полтора – и ты инвалид. Собрав в кулак всю свою волю, он выпрямился и отошел от стены. Так, кажется, ничего жизненно важного ему не отшибли, бывало и похуже. Значит, можно еще побарахтаться.

Несколько минут смотрящий неподвижно стоял посреди камеры, окончательно приходя в себя. Потом он поспешил палец и принялся водить им перед собой вверх-вниз, определяя, откуда сквозняки. Батя был опытен. У зэков есть свои приемы выживания в тех непригодных для людей условиях, в какие их помещает администрация. Выяснив, откуда дует сильнее всего, смотрящий оторвал от своего клифта карманы, аккуратно разорвал каждый из них пополам и тщательно законопатил щели. После этого он шагнул к каменному столбику, находившемуся посреди камеры, постелил на него сложенный вдвое клифт и уселся сверху. Плечи и спина сразу стали мерзнуть, но это было лучше, чем сидеть на голом камне. Смотрящий сложил руки на коленях и застыл – теперь главным было поменьше двигаться, сохраняя драгоценные калории. Сделать он больше ничего не мог, оставалось только ждать. Что ж, ждать старый блатарь умел.

По внутреннему чувству времени Бати прошло около часа, когда в кормушку послышался осторожный стук. Смотрящий встал со своего места, не забыв накинуть клифт на плечи, и подошел к двери:

– Кто?

– Это я, пахан, Абельханов.

Абельханов был прикормленным коридорным вертухаем. Через него и еще пару таких же, как он, «селитр» блатные прокладывали «дорогу» к попавшим в ШИЗО корешам, передавали им теплую одежду и калорийную пищу. Без этого, несмотря ни на какие хитрости, выжить в ШИЗО больше недели и не стать полным доходягой было невозможно.

– Тебе твои пацаны «дачку» подогнали... Табак, бациллы... – в щели «кормушки» появился кусок сала, за ним пачка папирос. – Обещали, что скоро свитер подгонят, шарф шерстяной, еще чего...

– А шмон когда? – лаконично спросил смотрящий, принимая «дачку». Он понимал, что Васильев не дурак и не хуже его самого знает лагерные порядки, а раз уж он решил идти на обострение с блатными, то может попытаться и «дорогу» перекрыть. Собственно, так оно и было. Просто, когда «хозяин» говорил об этом, Батя лежал в отключке.

– «Хозяин» сказал, что каждые два часа шмонать будут, – ответил вертухай.

– Тогда забери все назад, – решительно проговорил смотрящий, пропихивая сало обратно. – Если при шмоне что найдут, у всей зоны проблемы начнутся. Нечего пацанов подставлять.

– А как же я... Они же сказали...

– Передашь им, что я сам отказался. – Смотрящий немного помолчал и добавил: – Подгони-ка мне лучше бумагу и карандашный грифель. Передашь от меня несколько маляв – братва тебя не забудет.

– Базара нет... – растерянно отозвался вертухай, принимая обратно остаток «дачки». Он закрыл «кормушку» и пошел по коридору к выходу, удивленно покачивая головой. За весь срок своей службы здесь он еще не видел, чтобы кто-то, сидя в ШИЗО, отказывался от «дачки». Конечно, если при шмоне что-то находили, то администрация принимала меры, но ведь своя рубашка всегда ближе к телу. Хотя вот выходит, что не всегда...

2

Высокая черноволосая девушка стояла у открытого окна, опершись ладонями на подоконник, и смотрела вниз. С высоты десятого этажа Авлабари, один из самых старинных районов Тбилиси, смотрелся очень живописно. Маленькие дворики, множество балконов, черепичные крыши одноэтажных и двухэтажных домов и окутывающие их зелеными облаками кроны деревьев – эта картинка просто просилась на страницы какой-нибудь детской книжки. Ведь с высоты того, что играющие во дворах дети грязны и оборваны, а их матери, развешивающие на веревках белье, устали и понуры, видно не было. В целом картину можно было описать двумя словами – живописная нищета.

Авлабари населяли далеко не самые обеспеченные жители города, и только в последние два года тут начались какие-то изменения. Одна из крупных строительных фирм обратила внимание на этот район, и здесь принялись строить несколько высотных домов со всеми удобствами. В квартире одного из них, совсем недавно законченного, и находилась сейчас девушка.

Влетевший в открытое окно порыв теплого воздуха растрепал черные волосы. Девушка небрежным движением поправила их и, чуть приподняв голову, посмотрела дальше, за дома, на переливающуюся в солнечных лучах поверхность Куры, на берегу которой располагался этот район. Смотреть на речку было приятней, чем на двор. Постоянное движение воды, игра солнечных бликов, если глядеть на них подольше, порождали особенное, ни с чем не сравнимое настроение, чуть-чуть грустное, но все же скорее приятное.

– Софико! Софико, поди сюда! – раздался из соседней комнаты надтреснутый мужской голос. Услышав его, девушка мгновенно прикрыла окно и легким движением выскользнула из комнаты.

– Иду, дядя Вахтанг! – Под высокими потолками огромной квартиры звонкий голос девушки прозвучал неожиданно гулко. Она быстро прошла по длинному коридору и, дойдя до середины, свернула в открытую дверь гостиной.

В дальнем углу просторной комнаты, казавшейся еще больше из-за того, что в ней почти не было мебели, горел камин. Рядом с ним в низком мягком кресле сидел одетый в длинный черный халат пожилой мужчина с проседью в густых черных волосах. На горбатом, типично грузинском носу у него красовались очки, а в руках он держал газету.

– У тебя там окошко открыто, Софико? – спросил мужчина.

– Уже закрыла, дядя Вахтанг, – с теплотой в голосе ответила девушка. – Я совсем ненадолго открыла, проветрить.

– Ничего, ничего, девочка, хочешь, так открывай. Мне сейчас, наоборот, слишком жарко стало. Софико, отгреби угли от решетки, – попросил Вахтанг.

Девушка послушно шагнула к камину, взяла кочергу и принялась отгребать угли. Камин был самый настоящий. Не дешевый муляж с искусственными бревнами, работающий от сети, а с живым огнем. Именно для того, чтобы в доме можно было устроить камин, дядя девушки и купил квартиру на последнем этаже.

Конечно, возни с камином было много, но девушка привыкла с пониманием относиться к причудам дяди. К тому же их у него было не слишком много, и право на них он, как она считала, заслужил. Впрочем, в этом ее мнение сильно расходилось с оценкой родственников, самые старшие из которых отказались от Вахтанга, еще когда он в первый раз, по малолетке, попал за решетку, а остальные со временем только поддерживали их в этом решении.

– Спасибо, доченька, – поблагодарил девушку старик. – И принеси мне еще сыру.

Девушка кивнула, вышла из комнаты и через пару минут вернулась с аккуратно порезанным сыром на блюде. Поставив его на низенький столик, стоявший справа от дяди, она подняла на него глаза в немом вопросе – не надо ли еще чего? Пожилой грузин молчал, но

отпускать девушку не спешил. Это было странно. София почувствовала, что дядя Вахтанг собирается о чем-то с ней поговорить.

– Сядь, Софико, – наконец произнес он, указывая девушке на стоящее рядом второе кресло.

Она села. Вахтанг снова замолчал, глядя на играющие в камине языки пламени. Девушка заволновалась. Может, у дяди что со здоровьем?

– С тобой все в порядке, дядя Вахтанг? – обеспокоенно спросила она, чуть подаваясь вперед. – Может быть, мне доктору Ревазу позвонить?

– Не надо, Софико, – решительно покачал головой Вахтанг. – Просто я поговорить с тобой хочу. Я, Софико, уже совсем старый стал. Скоро и помирать пора будет.

– Что ты, дядя... – громко и решительно запротестовала девушка. – Ты же сам мне рассказывал, что в нашем роду все мужчины жили долго! И твой отец, и дед Ираклий, и братья их! Да и мой отец...

Старик слегка поморщился. Он очень не любил, когда его племянница упоминала при нем о своем отце, его старшем брате, который отказался считать его родней.

– А тебе и шестидесяти не исполнилось! – закончила девушка. – Ты, дядя Вахтанг, еще совсем молодой!

– Ох, Софико, Софико, – тяжело вздохнул грузин. – Мои шестьдесят – это не то же, что у отца, деда или кого из братьев. Из них-то никто зоны и не нюхал, а я всю молодость по кичам да шизерькам провел, да и потом тоже. Полжизни, считай, за колючкой пробыл. Все здоровье мое там осталось. Так что, боюсь, мне долгожителем не стать. Ну да ладно, я сейчас не обо мне поговорить хотел, а о тебе. Ты – единственная из всей родни, кто меня помнит, кто от меня не отказался. Даже отцу наперекор пошла, а не бросила старика. Я перед смертью должен о тебе позаботиться, больше-то ведь некому. Сейчас ты ни в чем нужды не знаешь, но как помру, дело уже будет другое. Ты ведь молодая, тебе замуж надо. А что тебе в наследство оставить по-крупному – понятия не имею! Ну, дом этот, ну, машину, деньги... Впрочем, обожди...

Старик поманил девушку рукой, она наклонилась к нему, и он что-то зашептал ей на ухо. Зачем старику это понадобилось, было совершенно непонятно, ведь во всей огромной квартире, кроме них с племянницей, никого не было.

– Сумеешь правильно распорядиться, будешь очень богатым человеком, – закончил грузин уже громко, распрямляясь. – А главное – все тебя будут бояться! Это ведь важнее денег. Деньги – тьфу! Ерунда. Их я тебе и так много оставить могу. Но авторитет не завещаешь, всех корешей к тебе, как ко мне, относиться не заставишь. А с этим разговор другой будет. Я в это дело в девяносто восьмом все свои сбережения вложил! Была у меня тогда такая возможность. И думаю, я не прогадал.

– Спасибо, дядя, – на лице девушки явственно отражалось сразу несколько сильных чувств. И благодарность, и удивление, и страх, все одновременно. – Я постараюсь все правильно сделать... Но я так надеюсь, что это не понадобится, что ты еще долго проживешь! И на свадьбе моей погуляешь, и детей в руках поддержишь!

– Ох, Софико, – покачал головой Вахтанг. – Я тоже надеюсь. Но мало у меня надежды, мало. Здоровье-то у меня чем дальше, тем больше сдает. И сердце, и легкие, и почки... Все, считай, на севере оставил, на Колыме.

Глаза девушки повлажнели. Она моргнула, и по щеке покатилась слеза, маленькая и прозрачная, словно жемчужина.

– Софико! Что ты! Не плачь, девочка, успокойся! – громко воскликнул грузин. – Было бы о чем! Я свое отжил и ни о чем не жалею. Есть что вспомнить... И как гуляли мы в молодости, и дела свои. Ну, давай, вытри слезы, налей себе вина... – Грузин с неожиданным проворством поднялся из кресла и налил в высокий бокал темно-красного вина из большой бутылки безо всяких этикеток – вино было не магазинное.

Сделав пару глотков, девушка и впрямь немного успокоилась. Дядя Вахтанг выглядел ничуть не хуже, чем обычно. Может, он все-таки преувеличивает? За окном потемнело. Приплывшие с запада тучи закрыли солнце, и в комнате с наполовину занавешенным окном воцарился приятный полумрак.

– Я, Софико, правда ведь ни о чем не жалею, – говорил тем временем Вахтанг, наливая и себе вина. – Я жизнь прожил такую, какую мало кому прожить дано.

– Но ты же сам, дядя, говорил, что полжизни в тюрьме провел.

– Ну и что? И кроме тюрьмы много чего было, я ж туда не за неправильный переход улицы попадал. Вот, помню, бомбанули мы раз сберкассу в Новосибирске в семьдесят девятом, повязали меня одного, а следователь решил на меня еще две кассы повесить, которых мы не трогали. И ладно бы так, но ведь одну из них кто-то борзой взял, там одного из охранников положили, так что статья другая шла, и сроки светили уже не те...

Девушка пригубила вина и устроилась в кресле поудобнее.

Она знала, что дядя Вахтанг очень любит рассказывать о своей молодости и о тогдашних похождениях. Его любимые истории она слышала уже не по одному и не по два раза, но никогда не напоминала дяде об этом. Впрочем, то, о чем он рассказывал сейчас, она вроде бы еще не слышала.

– И представь, – продолжал Вахтанг, – третий допрос, и следователь мне заявляет, что у него есть свидетель того, как я в ту кассу заходил, где холодного оставили. А меня в тот день еще и в городе-то не было, мы в Новосибирск тогда на гастроль поехали, на несколько дней. Я, понятное дело, в полную несознанку. Мол, где вы меня с поличным взяли, гражданин начальник, там я все признаю. А чужого мне не шейте. Он орет, кулаком по столу стучит, грозит расстрельной статьей. Я не колюсь. Он мне: «Очную ставку с тем свидетелем завтра устроим!» И в камеру отправляет. Я за ночь всю голову сломал, думал, что делать. Как следаки таких липовых свидетелей набирают, я уже и тогда знал, но толку-то с того? Судье же ничего не докажешь, а у меня тем более тогда репутация уже солидная была, вор-рецидивист, три ходки, побег из-под стражи... В общем, думал я, думал и решил, что бежать надо, другого выхода нет. И тут мне пацаны, соседи по камере, маляву передают, а там написано, чтоб я не дергался и ждал очной ставки. И подпись незнакомая – Батя. Я тогда такого погоняла не знал. Ну, решил подождать. И представь – приводят на очную ставку вместо свидетеля одного из пацанов, с которым я кассу брал. Я его до дела и не знал, его местные с собой привели, порекомендовали. Я напрягся, жду. Этот пацан такой тихонький, скромненький сидит, на все вопросы следователя кивает, а потом, как тот стал протокол заполнять, пацанчик как двинет ему по башке! Тот сразу в нокаут – я даже не ожидал, следак был боров здоровенный. Ну, я, конечно, в непонятках. Следака вырубить – это, считай, ничего не сделать. Нужно еще из здания выбраться, а там на каждом углу по мусору. Но пацан мне говорит, мол, спокуха, все продумано. Я решил, что он хочет конвоиров в кабинет вызвать, их вырубить и нам в их формы влезть. Шансов мало, ясное дело, но что еще придумаешь? Но он правильный оказался – сказал, что в ментовскую форму запаadlo влезать, у него план получше. Подошел к двери, запер ее изнутри и к окошку. Вытащил какую-то тряпку из кармана, махнул и в дальний угол метнулся сразу, а мне заранее сказал, чтобы я там стоял. Тут на улице рев, и стенка, где окно было, рушится. Грохот, треск, пыль столбом, а в проломе – кузов грузовика. Водитель, видать, с места дал задний ход на полную катушку и стенку проломил, она там хлипкая была. Ну, мы с пацаном оба в грузовик, на дно падаем, и понеслась машина! За нами не гнались даже. Мне этот пацан потом рассказал, что ментовским машинам, которые у ворот стояли, шины прокололи, а остальным выезжать долго было. Так мы и смылись, а про то, как Батя полментовки разрушил, потом блатные по всей стране рассказывали, – Вахтанг улыбнулся своим воспоминаниям и пригубил вина из бокала.

– Дядя Вахтанг, а что это был за Батя? Тот самый твой друг, о котором ты мне уже рассказывал? Ну, из Магадана который?

– Он, Софико, он самый, – кивнул грузин. – Так мы с ним познакомились, а потом у нас дел общих много было. Я его сразу запомнил. Ведь все мои старые кореша разбежались, а он меня и не знал совсем, а не бросил поделника. Да и хитер оказался, свидетелю липовому еще у него в подъезде по башке дал и под его видом в ментовку пролез. И правильно, кто там его в лицо-то знает? Там же со свидетелями во время следствия все как? Вы гражданин такой-то? Пройдите в кабинет, номер которого в вашей повестке указан, – грузин коротко хохотнул. Воспоминания изрядно подняли ему настроение, он даже забыл на время о ноющих почках и дающем перебои сердце.

– А когда ты его последний раз видел, дядя Вахтанг? – спросила девушка.

– Кого? Батю? Ох, давно, Софико. Лет семь назад, а то и побольше. От Магадана до нас, сама понимаешь, сколько, а теперь мы к тому же и за граница...

Грузин отхлебнул еще вина и набрал в грудь побольше воздуха. Софико уже знала, о чем он сейчас заговорит. После воспоминаний о молодости у дяди всегда шли рассуждения о том, как плохо, что большая страна, в которой, по дядиным словам, даже уголовники были людьми порядочными, распалась на много маленьких, в каждой из которых теперь царит полный беспредел. Но заговорить об этом пожилой грузин не успел. В кармане его халата запищал мобильник. Вахтанг вытащил телефон и поднес его к уху:

– Да, я. – Он нахмурился и замолчал, внимательно слушая своего собеседника. На щеках пожилого грузина, только что казавшегося обычным вспоминающим молодость стариком, заиграли желваки, а глаза прищурились, он сразу словно бы скинул десяток лет и стал похож на насторожившегося хищного зверя. Новости явно были не из числа приятных.

– Понятно, – наконец сказал Вахтанг. – Положи, где обычно. Я посмотрю.

Он выключил мобильник, спрятал его в карман и виновато посмотрел на племянницу:

– Прости, Софико, но у меня дела, так что допивать ее, – грузин кивнул на бутылку с вином, – тебе одной придется. Мне ехать надо.

– Надолго, дядя Вахтанг? – спросила девушка.

– Не знаю, доченька. Может быть, и надолго.

3

Невысокий, сухопарый мужчина лет тридцати пяти сидел за столом и внимательно рассматривал микроскопический обрывок бумаги, лежащий перед ним. Его острое хищное лицо с резкими чертами было нахмурено, а татуированные пальцы правой руки негромко барабанили по поверхности стола. Кроме него, на небольшой кухоньке однокомнатной квартиры, расположенной на рабочей окраине Магадана, никого не было. Звали этого человека Николай Иванович Степанов, но куда больше в Магаданской области он был известен как Коля Колыма, один из самых авторитетных блатных, правая рука Бати, смотрящего по краю.

Коля Колыма обладал совершенно незапятнанной репутацией, по его биографии можно было молодежь учить, как жить по понятиям. Четыре ходки, все четыре за кражи, все от звонка до звонка, не сотрудничая с администрацией, не выходя на работу и бдительно следя за исполнением всех блатных законов. Первый раз, как и большинство блатных, он сел за мелкую кражу и получил всего полтора года. Второй срок ему дали за соучастие в краже недельной выручки крупного магазина – как и многие другие, Коля Колыма прошел в зоне своего рода «курсы повышения квалификации». Следующие два срока Колыма получил за кассы – одну крупного завода, а вторую ресторана.

Кроме всех этих ходок, Колыма был известен как участник войны, которую группировка блатных два года назад вела с ингушами и спортсменами, перехватившими у них большую часть прибылей с черной золотодобычи. В то время репутация Колымы пошатнулась. Один из людей Бати оказался «сукой» и пытался его подставить, но Коля сумел оправдаться. «Сука» получил свое, а авторитет Колымы после этого только возрос.

Сейчас, когда смотрящий по области сидел, Коля Колыма фактически исполнял все его обязанности на воле – следил за бизнесом, разруливал возникающие конфликты, помогал братве на зонах. Но поскольку Колыма все же был пока не в законе и только помощником смотрящего, он периодически получал от Бати указания и поручения. Связь с зоной, которую сейчас топтал смотрящий, была налажена давно и работала без перебоев. Примерно раз в две недели Коля Колыма посылал пахану маляву, в которой рассказывал о всех вольных делах, и вскоре получал от Бати ответ.

Жизнь шла размеренно и налаженно до сегодняшнего дня, когда Колыма получил от смотрящего маляву не в положенный срок. Ту самую маляву, которая сейчас лежала перед ним на кухонном столе.

Колыма еще сильнее сдвинул брови. Малява, внимательно прочитанная уже трижды, требовала от него действий, притом решительных и немедленных. Смотрящий писал, что в зоне начался полный беспредел. Мусора гнобят братву почем зря, а у барина и вовсе крыша, по всему видать, съехала. И для того, чтобы спасти братву от беспредела, Колыме нужно срочно лететь в Грузию, в Тбилиси, к Свану, старому грузинскому законнику и хорошему корешу смотрящего, и забрать у него какой-то «груз». Что это за «груз», в маляве написано не было – мол, Сван уже в курсе. Но спасти пацанов может только этот «груз».

Колыма еще раз внимательно посмотрел на клочок бумаги. Он колебался не потому, что не хотел подчиняться смотрящему. Нет, дело было не в этом. Если бы Колыма был твердо уверен, что малява и правда от Бати, то он и секунды раздумывать бы не стал, слово пахана закон.

Но блатной был в курсе, что последнее время менты наловчились подделывать малявы – ссучили несколько блатарей и заставили на себя пахать. А накрыть канал передачи и совсем просто. Надо только поймать ссученного вертухая за руку и предложить простой выбор: или самому зону топтать, или гнать дезу. Колыма знал, что уже была пара провокаций как раз такого

типа. Менты присылали блатарям малявы, в которых требовали каких-то срочных действий, а потом оказывалось, что это подстава, и пацаны надолго приземлялись за колючкой.

Конечно, проще всего было позвонить Бате, даже на зоне у него был при себе мобильник, как раз для таких вот экстренных случаев. Но если верить маляве, то смотрящий сейчас в ШИЗО, а уж туда-то он бы телефон не пронес. А если маляву все-таки подкинули мусора, то они не могли не позаботиться о том, чтобы не позволить Колыме легко ее проверить.

«С другой стороны, попытка не пытка, – подумал Колыма. – Попробовать можно, а там уж посмотрю, как выйдет». Он достал мобильник и быстро набрал номер смотрящего. Но, как и следовало ожидать, трубку никто не взял. Колыма спрятал телефон. Что ж, раз не вышло проверить самым простым способом, придется потрудиться.

Он встал из-за стола, вышел из кухни и спустя пару минут вернулся, неся в одной руке мощную лупу, примерно такую, с какой принято изображать на картинках Шерлока Холмса, а в другой несколько мелких клочков бумаги, как две капли воды похожих на тот, что лежал перед ним на столе. Подделать почерк Бати так, чтобы нельзя было этого заметить, менты бы не смогли, в этом Колыма был уверен. Кроме того, именно для таких серьезных случаев у них с паханом были оговорены несколько секретных знаков, которые Батя должен был поставить в маляве.

Колыма разложил прежние малявы пахана справа от себя, а прямо перед собой положил новую, поднес к ней лупу и принялся снова внимательно вглядываться в самое начало записки: «Привет, братуха! Бродяги шестнадцатой зоны желают здоровья, счастья и радостей в твой дом...» Колыма тщательно сравнивал каждую букву с буквами из других маляв и с каждой секундой все больше убеждался, что малява подлинная. Ну да, вот и секретка – маленькая, почти незаметная и неразличимая без лупы точка под четвертой буквой в первом предложении. А вот и вторая – черточка под третьим словом перед концом второго предложения... Точно, малява от Бати.

Колыма поднял голову и отложил лупу. Недоверчивое выражение на его лице сменилось обеспокоенностью. И на то были причины. Колыма давно считал смотрящего кем-то вроде отца. В отличие от настоящего папаши, который бросил семью, когда Коле было восемь лет, Батя куда больше заслуживал такого к себе отношения.

– Эх, ведь говорил же я ему, не ходи сам... – прошептал себе под нос Колыма. Он и в самом деле несколько раз предлагал Бате пойти на зону вместо него, все же у него и возраст не такой, и здоровье покрепче. Но старик отказался. А теперь неизвестно, выйдет ли он живым из изолятора, а если выйдет, то что с ним будет дальше. Одно дело, если в лагере идет налаженная жизнь, и совсем другое, если конфликты с администрацией начались. Они ведь всегда по законникам бьют сильнее всего и в самую первую очередь.

Но долго предаваться бессмысленным переживаниям Колыма себе не позволил. Он был человеком действия – раз уж не смог тогда отговорить старика от очередной ходки, то надо сейчас сделать все, чтобы он ее пережил. То есть быстро выполнить его поручение: поехать в Тбилиси, найти Свана, забрать у него «груз» и привезти этот «груз» сюда.

Колыма на секунду задумался, припоминая все, что он знал о Сване. Этот человек был одним из самых авторитетных воров в законе всей Грузии и пользовался в преступном мире непререкаемым авторитетом. Про то, что его с Батей связывает давняя, уходящая корнями еще в советские времена дружба, Колыма хорошо знал. Что ж, значит, и у него со Сваном проблем не будет. Батя с кем попало не кентуется. Колыма мельком вспомнил, что однажды при нем Батя даже заметил, что Сван куда умнее, хитрее и расчетливее его самого. Правда, сам Колыма ни тогда, ни сейчас отнестись к этим словам смотрящего серьезно не мог – разве может кто-то оказаться хитрее хозяина Колымского края?

«Ну да ладно – это дело десятое. Вот познакомлюсь с ним и все узнаю. А сейчас нужно дело делать», – подумал Колыма и снова достал телефон. Он набрал номер справочной мага-

данского аэропорта и, дождавшись произнесенного женским голосом равнодушного «алло», спросил:

- Скажите, пожалуйста, когда ближайший рейс на Москву?
- Девятнадцать сорок.
- Привезите мне билет на этот рейс.
- ФИО и паспортные данные, пожалуйста.

Колыма продиктовал все, что было нужно, назвал адрес, куда привезти билет, и выключил мобильник. После этого он спрятал телефон в карман и, не забыв аккуратно собрать со стола все малявы, вышел из кухни. До отправления самолета на Москву оставалось четыре часа, а ему еще нужно было собраться. Конечно, сами сборы матерого блатного, привыкшего обходиться малым, никогда не были особенно долгими, но следовало еще предупредить об отъезде всех людей и оставить кого-то за себя, так что дел ему хватит.

«Интересно, что это за „груз“ такой? – думал Колыма, собирая вещи. – Что у Свана может быть такое, чего у нас самих нет? Хотя что голову зря ломать – привезу и узнаю».

4

Поселок Горный располагался в четырех километрах от лагеря, в котором сейчас сидел Батя. И большая часть лагерной администрации жила не за колючкой, а здесь. Ехать несколько минут, машина и горючка казенные, а тут и магазин есть, и бабы, да и побезопаснее все-таки, чем в лагере. Правда, разница между обитателями поселка и эсками была невелика. Подавляющее большинство поселчан было из бывших заключенных, которым после откидки оказалось не к кому ехать на материк, или из тех, кому выезжать за пределы Магаданской области было на какое-то время запрещено. Поселок был невелик – несколько десятков одноэтажных домов да двухэтажное административное здание, в котором мирно уживались фельдшерский пункт, почта, магазин и помещение для собраний поселкового Совета. Впрочем, последняя из этих комнат была давным-давно превращена во что-то типа склада, поскольку последнее собрание поселкового Совета было в Горном еще при советской власти, а с тех пор охотников заниматься такого рода вещами среди местных жителей не находилось.

Из торчащих над крышами домов печных труб шел густой дым. Он поднимался в небо строго вертикально, обещая на завтра ясную погоду, и растворялся в холодном воздухе метрах в десяти от земли. На улицах поселка не было ни души – время уже позднее, все люди сидели по домам, в тепле, и никакие дела не могли выгнать их оттуда до утра. Над поселком висела тишина, изредка нарушаемая только собачьим лаем.

– Чего это они так разбрехались? – лениво спросил невысокий плотный мужик с большими, слегка обвисшими щеками и двойным подбородком, сидевший за накрытым столом в самом лучшем доме поселка, расположенном в центре, рядом с административным зданием.

– Волков чуют, не иначе, – отозвался сидевший на другом конце стола подполковник Васильев, хозяин этого дома. Кроме них с гостем, в просторной, теплой и хорошо освещенной комнате никого не было, Васильев жил один.

– Что, серьезно? – удивленно приподнял брови гость, услышав ответ хозяина.

– Куда уж серьезнее, – отозвался Васильев. – Здесь же север, не забывай. Волки сейчас как раз в стаи собираются, а жрать им нечего, вот и кружат у поселков да лагерей. Прошлой зимой у нас одного мужика чуть прямо тут не загрызли. Он в сортир вышел, а на него во дворе набросились. Хорошо, трезвый был, успел глотку рукой прикрыть и заорать, народ из домов повыскакивал, шуганули серых. Но лечился Прокоша потом долго, да не здесь, а в Магадане. Ему эти твари на руке кости перекусили, плечо порвали и ногу.

– Ни фиги себе... Весело вы тут живете, нечего сказать, – покачал головой вислощекий. В его голосе отчетливо слышался московский «акающий» акцент. Да и внешне он совершенно не был похож на человека, прошедшего здесь хоть пару лет. На нем не было видно той печати, которую ставит на людях дальний север.

– Еще бы не весело. Тут тебе, Николай Петрович, не Москва.

В голосе начальника лагеря звучало если не заискивание, то уж по меньшей мере уважение к собеседнику. Подполковник говорил с ним как с равным. Это было странно – за несколько сот километров от Магадана, вдалеке от своих непосредственных начальников, Васильев был сам себе голова. Ни в лагере, ни в поселке важнее его никого не было.

– Правда, и у нас кое-что хорошее есть. Взять хотя бы вот это, – продолжил Васильев, широким жестом обводя накрытый стол. Посмотреть там и впрямь было на что, особенно жителю материка, привыкшему к тому, что куропаток, например, можно получить только в крутом ресторане и за очень нехилые деньги.

Вяленая медвежати́на, прасол из нельмы и горбуши, еще пара сортов дорогой рыбы, те же куропатки, да не обычные, а северные, в полтора раза крупнее любой, какую можно найти в более южных широтах, – всего этого на столе было столько, что хватило бы на взвод.

– Это да. Мяса я тут у тебя, чувствую, так наемся, что потом долго не захочется. Единственное, чего не понимаю, на фиг ты здесь, рядом с такими разносолами, эту дрянь поставил? – Толстощекий Николай Петрович брезгливо кивнул на стоящую на краю стола открытую консервную банку с армейской тушенкой.

– Э, не скажи, – покачал головой Васильев. – Это тебе сейчас дрянь. А посидишь на этих разносолах годик-другой, так обычной говядины захочется, что сил нет.

– Ну, разве что, – пожал плечами собеседник Васильева.

Несколько минут хозяин с гостем молча жевали. Потрескивающий в печке огонь и еле слышно бубнящий что-то в углу радиоприемник создавали уютную, домашнюю атмосферу.

– Ладно, – сказал Васильев, отодвигая от себя еду. – Поесть – поели, теперь выпить надо. Давай за удачу. – Он привстал из-за стола и откуда-то из угла вытащил здоровенную бутылку без этикеток.

– А что это?

– Как что? Спирт медицинский.

– Э, погодь, – решительно помотал головой толстолицый гость. – Закуска ваша северная – дело хорошее, не спорю, но эту дрянь ты убери. Я с собой нормального продукта привез. – Он поднялся из-за стола, достал из стоявшего у дальней стены портфеля две бутылки водки и поставил их на стол.

Немного обиженный Васильев убрал спирт на место и с легкой подковыркой поинтересовался:

– Ты что же, это дело везде с собой возишь?

– Не везде. Только сюда, – ухмыльнулся толстощекий, свинчивая пробку с одной из бутылок. – Знающие люди предупредили, что у вас с нормальной выпивкой туго, и вот, вижу, не соврали.

– Что ж, ты прямо из Москвы водяру вез?

– Зачем из Москвы? Уж ее-то и в аэропорту купить недолго, а бабки у меня все равно казенные. Ну что, будем?

– Будем, – кивнул Васильев, взяв со стола свою рюмку. – Хотя, помани мое слово, прежде чем уедешь, спирт распробуешь еще. На все время-то водярой не запасешься.

– Так я ж сюда не квасить приехал, а дело делать, – ответил москвич, опрокидывая рюмку. – Ух, хороша...

Слегка помотав головой и закусив водку куском медвежатины, гость снова поднял глаза на Васильева.

– Кстати, о деле. Поели, выпили, пора и о серьезных вещах поговорить. Я вот о чем подумал – ты мне сказал, что этот ваш смотрящий... как его... Батя, что ли?.. В общем, что он маляву из ШИЗО послал.

– Да, – кивнул Васильев. Лицо его моментально стало серьезным и сосредоточенным, а при упоминании Бати он невольно приподнял руку и прикоснулся к огромному синяку под глазом.

– Я одного не понимаю – зачем ты этой его маляве дальнейший ход дал? Ведь мог же перехватить, я правильно понимаю?

– Совершенно правильно. Но в том-то весь и смысл был, чтобы ее не перехватывать, – Васильев подлил себе водки. – Если мы этот канал емуотрежем, Батя себе другой найдет, у блатных с этим никогда проблем не бывает. И тогда мы уже ничего не узнаем. А так разговор другой. Долгоиграющая оперативная комбинация. Малява-то ушла, но мы знаем кому, зачем, что в ней написано. А то для чего было бы весь этот цирк с перевоспитанием начинать? Я-то практический работник, опыт есть. Задумка какая была? Сперва затянули гайки. Окунули смотрящего в ШИЗО – то, что он вмешается в это дело, я с самого начала знал, мы же с ним не первый день знакомы. И что ему дальше делать? Конечно, с вольняшкой отношения уста-

навливать. Получается, мы предугадали его дальнейший ход и спровоцировали на поступок, выгодный нам.

– Умно, – хмыкнул собеседник Васильева. – Ну а какие результаты? Ты говорил, уже есть кое-что, но не хотел в лагере об этом разговаривать.

– Есть результаты, есть, – кивнул Васильев. – И даже очень интересные. Батя ведь не одну маляву написал. Есть вторая. И знаешь, куда она?

– Ну?

– В Тбилиси. Сейчас покажу, кому.

Васильев вылез из-за стола, погромел в углу какими-то ключами и вскоре вернулся, неся в руках толстую папку с грифом Минюста – с девяносто восьмого года именно Минюсту, а не МВД подчинены все пенитенциарные учреждения России.

– Вахтанг Киприани, погоняло Сван, кентуха Бати, – сказал Васильев, вытаскивая из папки крупную фотографию грузина средних лет. – Авторитетный блатной. Правда, сейчас-то он постарше, эта фотка с тех времен, когда он у нас чалился, а с тех пор времени прошло изрядно.

Гость из Москвы придвинул к себе фотографию и принялся внимательно рассматривать. Это заняло у него почти минуту, он явно не просто смотрел, а запоминал, мысленно составлял словесный портрет, прикидывал, как этот человек может выглядеть сейчас.

– Думаешь, «грузняк» у него? – наконец спросил он с сомнением.

– Больше и не у кого ему быть, – уверенно сказал Васильев. – А то зачем человек от Бати в Тбилиси летит? Конечно, смотрящий не дурак, что именно этот пацан у Свана забрать должен, он в маляве не пишет, но что это еще может быть, как не то, чем ты интересуешься? Не бывает таких совпадений!

– Хм. Пожалуй, ты прав, – согласился москвич. – Если Батя своего человека в Грузию шлет, да еще именно к этому Свану, то ничего другого предположить нельзя. Во-от оно что, значит, – это Николай Петрович сказал значительно тише, словно уже не Васильеву, а самому себе. – Мы эту срань по всем оперативным просторам России ищем, все ноги сбили, а она вон где... У грузина какого-то! Да, это осложняет дело. Здесь-то мы бы эту скотину по-любому дожали, есть методы, никакие блатные кореша бы его не спасли, власть есть власть, против государства не очень-то попрешь. Но в Грузии особо не разбежишься. У них же теперь суверенитет, национальная гордость и все тридцать три удовольствия. Боевиков-то чеченских и то выдают со скрипом, а тут и вообще разговаривать не будут.

Несколько секунд москвич помолчал, обдумывая ситуацию, а потом спросил:

– Ты говоришь, Батя в Тбилиси своего человека посылает? А что это за человек?

– Некто Степанов Николай Иванович, – отозвался Васильев. – Четыре судимости, в серьезном авторитете. Погоняло – Коля Колыма. Правая рука смотрящего.

– В законе?

– Пока нет, но все блатари уверены, что скоро будет. Вообще, после Бати главным у наших уголовников наверняка он и станет.

– Так, может, договориться с ним? Он нам по-хорошему отдает «грузняк», а мы Батю в ШИЗО немножко подольше помаринуем. Много ли старичку надо-то? И станет этот Коля счастливым наследником, причем рук не замавав, никто не подкопается.

– Нет, – с сожалением покачал головой Васильев. – Хорошо бы, конечно, так сделать, но не получится. Я этого кадра знаю, не пойдет он на такое. Пахана он не предаст.

– Что-то сомнительна мне такая верность, – покачал головой москвич. – Ну да ладно, это дела ваши, местные, тут ты спец. Но сам-то тогда что предлагаешь?

– Отследить Колыму и на обратном пути «грузняк» забрать, – решительно сказал Васильев. – Ему ведь от границы Грузии до Магадана еще через всю Россию проехать надо. А возможностей у твоего ведомства много.

– Возможностей-то много, – ответил москвич. – Но ты хоть примерно представляешь себе, что может случиться при малейшем косяке, если все это наружу выплывет?! Какой будет жуткий скандал, какие головы в МВД и в Минюсте полететь могут?! Этого нельзя допустить!

– Нельзя, – спокойно согласился Васильев. – Значит, нужно операцию получше спланировать, задействовать ваши лучшие силы. А другого способа я все равно не вижу.

Москвич сидел, опустив голову и глядя в стол. Он явно колебался, никак не мог принять решение.

– Не менжуйся, – успокаивающим тоном сказал Васильев, наливая из бутылки еще по пятьдесят граммов в обе рюмки. – Все пройдет как по маслу. Не Терминатор же этот Коля Колыма! Сделаем мы его, никуда не денется! Давай выпьем за успех!

Николай Петрович еще несколько секунд сидел неподвижно, потом поднял голову, взял рюмку и, решившись, повторил тост:

– За успех!

Оба выпили, закусили.

– Если у нас все получится, – сказал москвич спустя несколько секунд, – то ты получишь перевод в Москву. Это я тебе твердо обещаю. Квартира в депутатском доме, госдача, почет и уважение. И в отставку уйдешь не «хозяином» этого медвежьего угла, а генералом!

– Хорошо бы, – хмыкнул Васильев, наливая себе еще водки.

Важное решение было принято, и теперь можно было расслабиться по-настоящему. Несколько минут Васильев молчал, осмысливая перспективы, открывающиеся перед ним в случае благоприятного исхода этого дела. Квартира, госдача – это все здорово, но на этом он останавливаться не собирается. Он пойдет дальше. Мозгов у него точно не меньше, чем у столичных жителей, а это дело послужит ему отличным трамплином. Васильев помотал головой – нет, пока об этом думать рано, сначала нужно хорошо сделать то, за что они взялись.

– А как этот «груз» вообще на свет появился? И как блатары на него лапу наложить умудрились? – спросил он.

Москвич, уже слегка опьяневший, сделал несколько мощных движений челюстями, перемальвая кусок нельмы, и невнятно ответил:

– Долго рассказывать. Короче, когда в девяносто восьмом тюрьмы и лагеря переводили из системы МВД в систему Минюста, начался страшный бардак. Реорганизация, сокращения, уплотнения... Среди наших тогда несколько продажных шкур оказалось. Вот кто-то из воров этим и воспользовался. Денег они, конечно, в это вбухали немерено, но и результат того стоит. Компромат на таких людей... И ведь главное, очень может быть, что он уже работает!

– А откуда все это стало известно? – поинтересовался Васильев. – Ну, насчет смотрящего.

– Что ваш Батя ко всему этому имеет отношение? По крупицам собирали. Радиоперехват, законспирированные информаторы, косвенные улики. В общем, оперативные источники. Да и одного шкуру-полковника из архивного управления крутанули как следует. Ладно – наливай! – Москвич явно был не очень-то расположен продолжать эту тему.

Васильев не стал настаивать. В конце концов, его задачи это прямо не касается, не хочет – пусть не говорит.

– Ну, за что мы еще не пили? – спросил Васильев, протягивая гостю полную рюмку.

– За удачу! – отозвался тот, совершенно забыв, что один раз за удачу они уже пили, а два раза за вечер произносить один и тот же тост не стоит. Примета плохая.

5

По извилистой и грязной улице Цулукидзе, мимо страховидных хрущоб и попадающихся кое-где ржавых остовов машин, с трудом лавируя между грудями гниющего мусора и дырами в дорожном покрытии, медленно ехал неприметный серый джип. Впрочем, для Мэрвэ Полхци, этого окраинного трущобного микрорайона Тбилиси, название которого переводится как «Восьмой полк», и такая машина могла считаться невиданной роскошью. Обитавший здесь народ в большинстве своем привык передвигаться на своих двоих. Денег, даже на общественный транспорт, здесь почти ни у кого не водилось, трущобы и есть трущобы, они во всех городах похожи, как и населяющие их люди.

Городские власти на этот район давным-давно махнули рукой, предоставив его жителям решать свои проблемы самостоятельно. Ничего хорошего из этого, как и следовало ожидать, не вышло. Кроме славы самого бедного, Мэрвэ Полхци обладал еще и не менее печальной славой самого криминогенного района столицы Грузии. Полицейские патрули заглядывали сюда крайне редко, да и то в усиленном варианте – по трое вместо двоих, и ходили исключительно по двум главным улицам района.

Назначение сюда на дежурство считалось в полиции одним из видов наказания, и довольно суровым, кстати сказать. В среднем за месяц здесь случалось три-четыре нападения на полицейских, и то, что все виновные несли заслуженное наказание, ничуть не утешало патрульных, получивших по башке кирпичом, бутылкой или какой-то странной железной штукой, которая, как упорно твердил ее задержанный владелец, была деталью космического корабля, потерпевшего крушение на соседнем пустыре.

Впрочем, посмотрев на этот самый пустырь, в эти слова можно было и поверить. Среди куч всевозможного мусора там иногда попадались такие вещи, о назначении которых можно было только гадать, в то, что их мог сделать человек, не верилось совершенно, а местные жители с первого взгляда производили впечатление народа, способного любой боевой крейсер какой угодно галактической империи за полчаса разобрать на винтики и продать на местном базаре. А деталью, которую никто купить не пожелал, мента по затылку двинуть.

Добропорядочные граждане, как правило, не рисковали соваться на территорию Мэрвэ Полхци даже днем, не говоря уже о вечере или ночи. Но водителя серого джипа слава этого района, судя по всему, нисколько не смущала. Вахтанг Киприани сам провел здесь немалую часть своей жизни – далеко не всегда у него было достаточно денег, чтобы найти себе приличное жилье, а после первой ходки, когда вся родня дружно отеклась от него, ему и вовсе было некуда податься.

Как раз тогда он попал в этот район, прожил здесь несколько лет, узнал его законы и его обитателей. И хотя те времена давно прошли, Вахтанг и сейчас не чувствовал себя здесь неуверенно. Все старые кореша его знают и помнят, молодежь тоже в курсе, кто такой Сван, ну а если какие отморозки попадутся... Что ж, тогда им придется на собственной шкуре убедиться, что он еще далеко не старик.

Старый блатной усмехнулся, ему вспомнилось, как полгода назад несколько малолетних придурков прицепились к нему, когда он с Софико поздним вечером возвращался домой с юбилея одного старого друга. Погода была хорошая, и ему захотелось немного пройтись пешком, подышать свежим воздухом. Шакалят было с десяток, и они наверняка считали, что старичок с девушкой не смогут оказать им никакого сопротивления, а правильным понятиям их явно не учили. Что ж, зато тот урок они точно запомнят. Хотя не все, далеко не все. Трех он тогда уложил качественно.

Сван снова усмехнулся. Самым забавным ему казалось то, что оставшиеся в живых юные отморозки додумались еще и накатать на него телегу в ментуру – дескать, сумасшедший дед

со стволом ни с того ни с сего набросился на бедных детишек. Правда, Вахтанг узнал об этом только через неделю, да и то в качестве анекдота. Менты сразу даже беспокоить его не стали, а попросту объяснили молодежи, на кого они нарвались, и посоветовали притихнуть самим, и по-хорошему. А то ведь с этим могут и помочь.

Еще раз улыбнувшись воспоминаниям, Вахтанг притормозил и выглянул из машины. Он старался разглядеть номер чернеющего слева пятиэтажного дома, но это было трудно – единственным источником света на всей улице были фары его джипа. Электричества в районе не было из-за так называемого веерного отключения, которое по загадочной закономерности постоянно приходилось на окраины и почти никогда на центр, а луна скрылась за тучами, принесенными западным ветром несколько часов назад. Пришлось разворачивать машину и врубать дальний свет, чтобы осветить стену дома.

– Семьдесят седьмой, – негромко пробормотал Вахтанг. – Едем дальше.

Следующие несколько минут джип останавливался часто, чуть ли не через каждые два дома. Нумерация на этой улице была довольно причудливой, к тому же на половине домов табличек с номерами просто не было, и хорошо, если хоть кому-нибудь из их жителей приходила в голову светлая идея намалевать этот самый номер на фасаде. Но чаще не было и этого. Остановившись то ли в седьмой, то ли в восьмой раз и осветив стену очередного дома, Сван удовлетворенно хмыкнул себе под нос:

– Ага... Сто тринадцатый. Значит, сейчас поворот на бензозаправку, а за ним... – его бормотание стало совсем невнятным.

Джип поехал дальше. Он был метрах в десяти от ближайшего угла, того самого, за которым располагались поворот на заправочную станцию и ведущая под довольно резким углом вверх улица, когда с той стороны послышался быстро приближающийся странный шум.

От бензоколонки медленно, но с каждой секундой разгоняясь все быстрее, вниз катилась здоровенная цистерна на автомобильном шасси. Если бы хоть кто-нибудь увидел это со стороны, первое впечатление было бы совершенно однозначным – с тормоза сорвалась. Разогнавшись к концу спуска до очень солидной скорости, цистерна на всем ходу въехала в серый джип.

В темноте узкой улочки вспыхнул ярко-оранжевый клубок огня, и раздался мощный грохот. А вслед за ним прозвучал второй взрыв, в несколько раз мощнее первого – цистерна оказалась не пустой. Так бывает в голливудских блокбастерах, в реальной жизни при столкновении машины взрываются нечасто, это легко подтвердит любой гаишник, но на этот раз получилось именно так. Багровые сполохи пламени ярко озарили ночную улицу, моментально оказавшуюся усыпанной осколками вылетевших стекол, осветили черные проемы окон и бледные, заспанные физиономии хозяев квартир.

Через полминуты самые отважные и любопытные начали появляться из подъездов, желая посмотреть на диковинное зрелище. Через несколько минут вдали раздалась приближающаяся звуки ментовской сирены. Кто-то не поленился позвонить в полицию, и она среагировала оперативно. В общем, это и неудивительно – так обычно реагируют на любое необычное происшествие. А взрыв на Цулукидзе, разумеется, сразу показался ментам делом необычным. Вот если бы там кого ножиком пырнули или бутылкой череп проломил, тогда дело другое.

Когда менты подъехали к месту происшествия, столкнувшиеся машины все еще полыхали.

– Мать вашу так, пожарных вызвать кто-нибудь догадался?! Сержант! Пожарным позвони! – громко закричал толстый майор, едва выбравшись из машины. И уже потише продолжил: – Ну ни фигя ж себе картинка!

Картинка и правда была та еще. Обе машины растворялись в еще не опавшем пламени, словно рафинад в горячем чае. Над огнем поднимался черный вонючий дым.

– Интересно, кому это так повезло? – пробормотал себе под нос майор, прежде чем начать отдавать дальнейшие распоряжения.

* * *

Вечером следующего дня во дворе недавно достроенного десятиэтажного дома в Авлабари было многолюдно. У крайнего подъезда теснилась толпа, состоящая из самых разных людей, от серьезных пожилых мужчин с неподдельной скорбью на лицах, окруженных плечистыми мальчишками, в которых сразу узнавались секьюрити, до местных тетушек и бабушек в длинных юбках и цветных платках, с чумазыми детишками, держащимися за их руки. На их лицах особого горя не было, они пришли посмотреть на вынос гроба с телом Вахтанга Киприани из любопытства и от нечего делать. У подъезда стоял автобус с распахнутыми задними дверцами и эмблемой какого-то тбилисского похоронного агентства на боку.

Грузины – веселый, шумный народ, и когда их собирается много, обычно сразу начинаются объятия и разговоры. Но здесь было тихо. Все разговоры велись шепотом, а большинство народу и вовсе молчало. Слишком печальным был повод встречи всех этих людей, по крайней мере тех, кто действительно близко знал покойного. Переговаривались в основном старухи.

– Это его дочка, да? – шепотом спросила одна из теток свою соседку, кивая на стоящую у самой двери подъезда высокую черноволосую девушку с совершенно измученным, заплаканным лицом. Было видно, что она держится из последних сил.

– Откуда я знаю, ты лучше Тамару спроси, она в этом же подъезде живет...

– Не дочка, а племянница, – тихо прошептала Тамара, наклоняясь к своим подругам.

На ее лице скорби не было никакой, скорее уж любопытство, приправленное изрядной толикой злорадства. Они же тоже не совсем темные, знают, кем покойный Вахтанг был. Авторитет, вор... Вот и отпрыгался голубчик, нечего было высовываться!

– А что ж из родни-то больше нет никого? – спросила первая из теток.

– Говорят, все от него отказались...

– А смотрите, какие люди собрались, – еще тише прошептала старуха. – Все с этими... как их... телохранителями!

– Ничего, у этого тоже небось телохранители были, а не спасли! От судьбы не уйдешь!

– Да... Говорят, в закрытом гробу его понесут, сожгло его так, что смотреть невозможно...

– Да, я тоже слышала. Интересно, за что его убили?

– Наверное, наркотиками торговал, вот конкуренты и убрали. Я вчера в одном фильме видела...

– Нет, это милиция. Мне зять сказал, что у них есть секретный приказ убивать бандитов.

– Бабушка, а кого убили? – Чумазый малыш лет пяти явно не осознавал серьезности момента и говорил в полный голос, а он у него оказался хоть и тонким, но громким и пронзительным.

– Тише! Тише, Тенгиз, кому сказала! Домой отведу!

– Ну, бабушка!

– Тише! Тише! Несут, кажется!

Шепотки в толпе смолкли. Дверь подъезда открылась, и из нее показались два высоких молодых парня, держащих на плечах гроб. Они стали медленно спускаться по лестнице, из подъезда показалась вторая пара, а за ней третья. Все парни были похожи, как горошины из одного стручка, и все выглядели опечаленными по-настоящему. Это были люди из бригады Свана, и у них были очень серьезные причины для скорби. Со смертью законника их положение становилось намного более шатким. Хорошо, если найдется какой-нибудь его старый кореш, согласится взять к себе. А если нет? Тогда ведь только в пехоту идти.

Цинковый гроб вынесли из подъезда, и представитель похоронного агентства предложил всем родным и близким проститься с Вахтангом Киприани. Раздались причитания, плач. Пер-

выми пустили слезу те самые старухи, которые только что оживленно обсуждали покойного, а София, его племянница, держалась почти до конца, но все же не выдержала и согнулась над закрытым гробом, прижав руки к лицу. Но продолжалось это недолго, через считанные секунды девушка справилась с собой и кивнула людям из агентства.

Спустя пять минут у подъезда остались только несколько местных теток да их дети.

– Ну что, пойдём? – нерешительно сказала одна, делая шаг в сторону.

– Пойдем, – отозвалась другая. – Ой, кажется, зеленщик едет, слышите? Пойдемте скорей, а то не успеем!

С противоположной стороны улицы и правда раздавался громкий крик зеленщика, а вскоре после него должен был прийти молочник. Жизнь продолжалась.

6

Пресс-хата в лагере – это место с особыми законами. Или, вернее, почти совсем без них. Как правило, здесь царит полный беспредел, в этом и назначение пресс-хаты – путем беспредела насаждать «красные» порядки. Конечно, если лагерь живет более-менее спокойно, блатные и администрация особенно не конфликтуют, то обитатели пресс-хаты почти не пересекаются с обычными зэками. Чтобы попасть в это сучье логово, зэку нужно отмочить что-то уж совсем запредельное, довести начальника лагеря до полного озверения.

Но если начинается обострение отношений, то пресс-хата становится мощным оружием в руках администрации. Посадить туда можно любого, формально это даже не наказание, ведь по документам сучий барак, отделенный от всей остальной зоны локалкой, ничем не отличается от прочих. Но это только по документам. На деле населяет сучий барак последнее отребье из числа тягунов-долгосрочников, в основном маньяки и насильники, которых преступный мир уже приговорил. И они идут в СВП, секцию внутреннего правопорядка, становятся на путь исправления, как это именуется официально.

Разумеется, любой правильный блатарь, попавший в сучий барак, оказывается в совершенно безвыходном положении. Единственная надежда – умудриться протащить туда за губой мойку, половинку лезвия бритвы, и полоснуть себя по вене. При удаче можно загреметь в лазарет, перекантоваться недельку-другую там. Правда, удаются такие финты редко, «суки» прекрасно знают обо всех этих блатных хитростях и на входе в свое логово тщательнейшим образом обыскивают каждого вновь прибывшего.

Но попавший после утреннего развода в пресс-хату Казак оказался лишен и этой призрачной возможности. Когда утром зэков выводили на плац, мойки он с собой, разумеется, не прихватил – с какой стати? Ведь ничто не предвещало никаких неприятностей, перевоспитание грянуло как гром среди ясного неба.

Сквозь полуприкрытые глаза Казак рассматривал помещение, в котором только что очнулся. Он уже успел понять, что притащили его в сучье логово, но поскольку раньше он здесь, разумеется, никогда не был, нужно было оценить обстановку. В первую очередь выяснить, много ли тут народу и нет ли чего-нибудь хоть отдаленно напоминающего оружие. Один хрен подыхать, так хоть не задаром.

В голову блатного и мысли не пришло о том, что можно попытаться как-то прогнуться и выжить. Его жизнь закончилась несколько часов назад, перед строем, когда его «законтачили».

Теперь жить, как раньше, он уже не сможет, даже если сумеет как-то отсюда выбраться. Блатные его не примут – закон не позволит. А становиться сукой... Ни за что!

Ничего похожего на оружие поблизости не было. Даже стула какого-нибудь – все они были собраны в противоположном конце барака, где собрались суки. Казак попытался их пересчитать, но получалось у него плохо, перед глазами все еще стояла мутная пелена, а главное, трудно было издали отличить «сук» от живших с ними «петухов», ими же и опущенных.

«Кажется, их штук десять», – подумал блатной.

Именно так – даже мысленно назвать «суку» человеком он не мог, считал их на шутики, как вещи. Вдруг одна из темных фигур, сидевших в конце барака, поднялась с места и направилась к нему. Следом поднялись еще двое и тоже приблизились к Казаку. Блатной сразу узнал их, и жгучая ненависть мгновенно перекрыла боль. Он почувствовал, что силы возвращаются к нему. Те самые хмыри, которые его «законтачили»!

Стоявший впереди здоровенный мужик со скошенным лбом и выступающими надбровными дугами ткнул лежащего Казака ногой в бок и сказал:

– Не притворяйся, урод! Очухался ты уже, зашевелился, я видел. Открывай zenки, побазарим.

Казак скрипнул зубами, но послушно открыл глаза. Он с огромным трудом удержался от того, чтобы сразу броситься на «суку» – пиннок ногой сам по себе был страшным оскорблением. Но мощным усилием воли он справился с собой. Глупо было кидаться прямо сейчас, когда он еще толком не пришел в себя, нужно немного выждать.

– О, молодец, послушный какой... Может, ты и в остальном послушный будешь? «Хозяин» порадует, что его воспитательная работа такие хорошие результаты дает. Так что, встанешь добровольно на путь исправления? Смотри, серьезно предлагаю. Блатари тебя теперь за человека считать никогда не будут, а здесь нормально жить станешь. Что, наденешь повязку?

Казак ничего другого и не ожидал. Ссучить «законтаченного» – самое логичное продолжение утреннего представления. Говорить ему было трудно, но он напрягся и, с трудом шевеля разбитыми распухшими губами, негромко выговорил:

– Чтоб тебе, суке поганой, твои же «петухи» очко на немецкий крест порвали. Твари вы, мрази, ублюдки! До вас еще пацаны...

Договорить ему не удалось. Все три «суки», шагнув к нему с разных сторон, принялись пинать лежащего. Казак скорчился, прикрывая пах и голову, а через несколько секунд в глазах снова потемнело.

– Стойте! – скомандовал косолабий. – Так до смерти запинаем раньше времени. Чалый, тащи ведро.

Один из «сук» отошел в сторону и вскоре вернулся с полным ведром холодной воды.

– Обливай!

На голову лежащего зэка обрушился холодный водопад. Он шевельнулся, приоткрыл глаза.

– Поднимите его, – потребовал старший из «сук».

Двое других под руки вздернули Казака с пола. Главный размахнулся и сильно ударил его в печень. Раз, другой, третий – между ударами он делал интервалы секунд по пять, не давая блатному снова потерять сознание, а державшие его под руки помощники не позволяли упасть.

– Обезьян, осторожней, насмерть же пришибешь! – подал голос один из державших Казака.

– Учить ты меня еще будешь... – презрительно хмыкнул названный Обезьяном. Кличка очень подходила ему. Он действительно напоминал здоровенную человекообразную обезьяну, даже руки у него были длиннее, чем полагалось бы при таком росте. – Не пришибу, не впервой, чай.

– Значит, не хочешь на путь исправления встать? – спросил он Казака после очередного удара. – Ну что молчишь-то? Отвечай, когда спрашивают, молчуны мне никогда доверия не внушали.

Казак беззвучно шевельнул губами, а потом, с трудом приподняв голову, выдохнул:

– «Сука»... – в одном этом слове было столько ненависти, что Обезьян невольно отшагнул назад. Но самоуверенность очень быстро вернулась к нему.

– Тебе же хуже, – с деланным сожалением произнес он. – Эй, пацаны, отпустите-ка его и приведите сюда какого-нибудь «петуха».

Державшие Казака «суки» отпустили его, и блатной, как куль с песком, повалился на пол. «Суки» пошли в дальний конец барака и вернулись, гоня перед собой хлипкого мужичка совершенно забитого вида.

– Открой парашу, – приказал ему Обезьян.

Мужичок безропотно поднял крышку стоящей в этом же углу параша.

– Набери говна и корми этого, – Обезьян кивнул на лежащего на полу Казака.

– Обезьян, может... – неуверенно начал один из его помощников, но старший шикнул на него:

– Я сказал! Давай, петушатица!

Невзрачный мужичок наклонился над парашей и сунул в нее руку. В этот момент Казак, видевший все эти приготовления и прекрасно понявший, несмотря на затуманенный побоями рассудок, что за ними последует, нашел в себе силы привстать. Но больше он не смог ничего – стоявшие у него за спиной «суки» навалились на плечи и снова положили его на пол.

– Он рот не открывает, – тихо проговорил «петух», подойдя к блатному.

– Чалый, открой ему рот, – скомандовал Обезьян. Его помощник принялся разжимать крепко сжатые челюсти Казака.

– Ах ты, коз-зел, давай открывай пасть... Ну! А-а-а! Сука!! – Чалый отскочил, трясая рукой. – Укусил, урод поганый!

Указательный палец на его правой руке был прокушен до кости, с него капала кровь. Человек хоть и не хищник, но если постарается, укусить может очень неслабо.

– Ах ты, урод! – взбешенный Чалый метнулся к блатному и со всего размаху врезал ему носком сапога по голове. На этот раз отливание холодной водой не помогло. Казак отключился серьезно, и продолжение сучьего перевоспитания пришлось отложить.

– Осторожнее надо, Чалый, – поучал Обезьян своего морщившегося от боли помощника. – На фиг ты ему по башке бил? Врезал бы в бок, под ребра, он бы и не отрубился.

– Он, сука, так в палец вцепился, что я...

– Так осторожнее надо. Не хрен ему было лапы в рот совать. Зажми нос – захочет подышать, сам пасть откроет. Ладно, иди сейчас к фельдшеру, пусть тебе лапу чем-нибудь намажет, а то хреново может быть. У человека укус опасный. А мы, пока этот урод не очухался, в стирь перекинемся.

Чалый вышел из барака, а Обезьян со своим помощником присоединились к прочим «сукам», игравшим в секу.

– Ну как, перевоспитали синего? – спросил у подошедших тасующий самодельные карты хмырь с бегающими глазками и острым лицом, здорово напоминавшим крысиную морду.

– Упрямится пока. Чалого за руку цапнул, как кобель цепной, – ответил Обезьян, усаживаясь на лучшее место, которое в его отсутствие никто не занимал. Он считался в этом бараке главным, и прочие «суки» боялись навлечь на себя его гнев.

Несколько часов «суки» гоняли чифирь и резались в карты. Оставленные на время в покое «петухи» спешили хоть немного поспать. Они прекрасно знали, что стоит любому из «сук» захотеть поразвлечься, как будет уже не до сна. В отличие от «черной» зоны, где даже у «петухов» есть хоть и очень куцые, но права, и притеснять их по беспределу не положено, здесь это как раз было правилом. Конечно, и при «черных» порядках случались косяки, и крайне редко пахан, которому «петух» жаловался на кого-то из блатных, принимал меры. Но все же он хоть пожаловаться имел право! Да и притеснять «петухов» для блатных было запаadlo. Здесь же эти притеснения были нормой, и никаких жалоб не могло быть в принципе.

– Эй, Шрам, глянь, как там наш синий. Не очухался? – Обезьян отбросил надоевшие стирь и повелительно махнул рукой одному из подчиненных. Невысокий мужичок со здоровенным шрамом на левой щеке встал, подошел к валявшемуся в углу у параша Казаку, пару раз лениво ткнул его сапогом и вернулся к старшему.

– Нет еще. Похоже, нехило вы его отоварили.

Обезьян кивнул. Он сразу поверил Шраму, а зря. На самом деле Казак пришел в себя уже с час назад, но не шевелился и никак не показывал, что уже в сознании. Только наблюдал за суками полуприкрытыми глазами, а когда заметил, что кто-то идет к нему, закрыл их совсем. Он понимал, что нужно прийти в себя, накопить побольше сил для того, чтобы суметь дать «сукам» отпор. Может, получится хоть сдохнуть в драке, а то ведь запинают как собаку.

– Что, раздаем по новой? – раздался голос кого-то из «сук».

– На фиг, – решительно ответил Обезьян. – Надоело. Мы лучше сейчас петушинные бои устроим. Давайте стулья в центр.

«Суки» оживились и зашумели, предвкушая одну из своих любимых забав. Кто-то потащил стулья к центру барака, кто-то пошел пинками поднимать «петухов», а сам Обезьян и несколько его приближенных уселись посреди барака в важных позах. «Петушиными боями» они называли драки между опущенными, что-то вроде гладиаторских боев. Разумеется, «петухи» дрались не добровольно, а под угрозой избиения или чего похуже.

Извращенная фантазия «сук» каждый раз подсказывала им что-нибудь новое. То они заставляли «петухов» драться, стоя на четвереньках: с громким рычанием, изображая из себя собак, то сажали одного на шею другому, давали ему в руки швабру и выставляли против него двоих, то придумывали еще что-нибудь в этом же роде. При этом «суки» делали ставки, и горе тому «петуху», который не оправдывал возложенных на него надежд, особенно если проигрывал Обезьян или кто-то из его приближенных. Пару раз бывало, что неудачливого гладиатора забивали до смерти.

Через минуту к Обезьяну подогнали разбуженных «петухов».

– Ну что, добровольцы есть? – спросил «сука» с деланным добродушием. – Давайте вызывайтесь сами, каждому добровольцу по полпачки чая, я обещаю.

«Петухи» молчали. Они уже успели узнать цену обещаниям Обезьяна и не верили им ни на грош.

– Ни одного добровольца?! Ну вы и твари неблагодарные! – Обезьян сделал вид, что рассердился, хотя именно на это и рассчитывал. – Ну-ка лизать пол! Быстро! Кто не будет, на месте уроем!

«Петухи» стали медленно опускаться на четвереньки. Они знали, что Обезьян может легко привести свою угрозу в исполнение.

– А ты ноги мне лжи! – скомандовал «сука» оказавшемуся к нему ближе всех «петуху». – Давай быстро!

Забитый «петух» повиновался. Ему уже было все едино – что грязный пол, что грязные кирзачи.

– Будете чистоту наводить, пока не появятся добровольцы! – заявил Обезьян. – Насильно я вас драться не заставлю, вы же знаете, какой я добрый! Но и без зрелища братву оставлять я не собираюсь!

Лежащий в углу Казак скрипнул зубами. «Вы не братва. Вы – плесень, грязь, – подумал он. – А грязь надо убирать. Ладно, я сделаю, что смогу, а что не смогу, то пацаны доделают. Батя в курсах, на него вся надежда. Он разрулит, не впервой ему косяки исправлять. Но такого беспредела здесь не будет!»

Пальцы Казака непроизвольно сжались в кулак – хорошо, что все «суки» были слишком увлечены зрелищем и никто не смотрел в его сторону. Но в следующую секунду Казак разжал руку, он чувствовал, что еще слишком слаб, нужно полежать еще хоть немного. Только бы за это время к нему не подошел кто-нибудь повнимательнее того хмыря со шрамом, а то ведь заметят, что он уже в сознании.

Но «сукам» пока было не до него.

– Я доброволец, – один из лизавших пол «петухов» приподнялся с четверенек.

– Хорошо, – одобрил Обезьян, – можешь встать. Нам нужны еще двое.

Почти сразу же поднялись еще два «петуха» – все понимали, что деваться некуда.

– Отлично! Сегодня у нас будет бой «гладиатора» с двумя «львами», – провозгласил Обезьян. – «Гладиатором» будешь ты, – он ткнул в «петуха», поднявшегося первым, – а вы «львами». Дайте «гладиатору» шлем и меч.

Один из младших «сук» отошел в сторону и вернулся с требуемым – что такое «шлем и меч», все давно знали. На голову «гладиатору» надели жестяное ведро, а в руки дали швабру. Разумеется, с ведром на голове «петух», ничего не видел, но «суки» считали, что так даже интереснее.

– «Львы» ходят только на четвереньках, – объявлял правила Обезьян. – Кулаками и ногами драться не можете, только кусаться и царапаться. «Гладиатор» не может снимать шлем. Кто победит, получит пачку чаю.

«Суки» зашумели:

– Ставлю на «львов»!

– А я на «гладиатора» полпачки «Примы»!

– Согласен!

– И я на «гладиатора» целую пачку!

Через пару минут все ставки были сделаны, и Обезьян крикнул ожидающим в центре барака «петухам»:

– Начинайте! Да смотрите, без поддавок, замечу, вам же хуже будет!

Оба «льва» встали на четвереньки и поползли к «гладиатору». Тот не видел их, но, слыша шум движений, схватил швабру поближе к рабочей части и начал бешено размахивать перед собой противоположным концом. «Львы» замерли, но тут «гладиатор» сам скакнул вперед и вскользь попал одному из «львов» концом швабры по голове. Тот попятился назад, но медленно, «гладиатор» попробовал ударить его еще раз и промахнулся. В это время второй «лев» подполз к нему с другой стороны и попытался укусь за ногу. Но «гладиатор» как раз в этот момент шагнул назад, споткнулся обо «льва» и чуть не упал. Ведро свалилось с его головы.

– Стоп! – заорал Обезьян. – Надень шлем!

«Петух» подобрал ведро, снова нахлобучил себе на голову, и «бой» продолжился. Оба «льва» двигались еле-еле, голодные, невыспавшиеся, они толком не могли передвигаться на четвереньках, не говоря уже о том, чтобы драться. «Гладиатору» было полегче, но и он не мог ничего сделать, потому что не видел своих противников. Впрочем, никто из «бойцов» и не выказывал особого пыла – «петухам» совершенно не нужно было калечить друг друга на потеху «сукам». «Представление» грозило затянуться, и Обезьяну это не нравилось.

– Стойте! Ну-ка, ты, «лев» вшивый, иди сюда, – скомандовал он одному из стоявших на четвереньках «петухов», который уже почти перестал двигаться, от недоедания и недосыпа у него кружилась голова и темнело перед глазами.

– На четвереньках ползи!

«Лев» подполз к «суке», и тот, не вставая со стула, сильно пнул его ногой в лицо, раз, другой.

– Не будешь драться, еще получишь! Понял, царь зверей?! Пошел на место! Так, теперь ты, «гладиатор» сраный! Ко мне!

«Петух» с ведром на голове двинулся к Обезьяну, и в этот же момент в дальнем углу барака Казак поднялся с пола. Двигался он почти беззвучно, освещены углы «сучьего» логова были плохо, а все внимание «сук» было приковано к происходящему в центре. Его движения никто не заметил. Внутри у блатного все болело, но эту боль можно было терпеть, тем более что она не имела уже никакого значения. Какое дело до отбитых внутренностей человеку, который уверен, что и ближайшего часа не проживет? Зато уже почти не кружилась голова и не мутилось перед глазами.

Казак осторожно, крадучись, пошел к «сукам», сидевшим спинами к нему. С каждым шагом он чувствовал, как тело наливается силой, а в голове не остается ничего, кроме злости и лютой ненависти к беспредельщикам. Взгляд Казака был прикован к швабре, которую держал в руке «гладиатор». Палка... Не самое лучшее оружие, но ему-то выбирать не из чего!

Тем временем Обезьян привстал со стула и пнул «гладиатора» под колено:

– Шустрей двигайся! Я на тебя поставил, если проиграю, убью! Маши своей палкой, рано или поздно попадешь! И посильнее маши...

Стул с Обезьяном отлетел в сторону. Вырвавшийся из-за спин «сук» Казак выхватил из рук ничего не видящего «петуха» швабру и мгновенно сломал ее об колено сантиметрах в два-

дцати от основания. Теперь в его руках была длинная палка с острым концом. Этим-то концом Казак и ткнул изо всех сил в рожу того самого мужика со шрамом на левой щеке, который ходил смотреть, не очнулся ли он. Острие пропороло тому правую скулу, почти симметрично старому шраму. В следующее мгновение Казак кинулся на упавшего Обезьяна. Тот успел прикрыть голову, подставив под мощный удар палки правую руку, и привстать с пола.

Казак размахнулся для следующего удара, но, почувствовав сзади движение воздуха, отскочил в сторону. Бивший ему в спину финкой Чалый промахнулся. Зато Казак не промахнулся, он ударил «суку» точно по кисти руки, державшей нож, и, когда финка вылетела из разжавшихся пальцев, подхватил ее. Все это заняло считанные секунды. Когда в руках у блатного оказался нож, большая часть «сук» еще только успела повскакать со своих мест.

– Мочи его! – раздался дружный вопль, и вся толпа ломанулась на Казака.

Однако драться с вооруженным и решившим дорого продать свою жизнь блатарем – совсем не то, что издеваться над безропотными «петухами». Казак сам шагнул навстречу нападавшим. Его палка воткнулась кому-то в солнечное сплетение, а нож проехался по чьей-то оскаленной физиономии. В следующую секунду он отскочил назад и прижался спиной к стене.

– А ну пропусти!!! – раздался дикий рев.

«Суки» расступились, и на Казака кинулся сам Обезьян, двумя руками поднимая над головой стул. Казак метнулся в сторону, и удар просвистел мимо, но ткнуть финкой Обезьяна он не успел. Сбоку на него навалились еще трое, им удалось наконец втянуть блатного в борьбу. Под тяжестью их тел Казак рухнул на пол, несколько раз вслепую взмахнул ножом, чувствуя, как ему в бока и спину втыкаются лезвия, но совершенно не ощущая боли. Нож вывернули у него из руки, но он сумел зацепить кого-то пальцами за угол губ и рвануть изо всех сил. Брызнувшая кровь залила ему лицо, смешавшись с его собственной.

Но «сук» было слишком много. Казак сумел нанести еще пару ударов, но на каждый его удар в него попадало по семь-восемь уколов заточками и ножами. Через несколько мгновений перед глазами у него стало темно, руки ослабели, сделались ватными и отказались повиноваться хозяину. Еще через секунду Казак покинул этот мир.

Правда, «суки» заметили это не сразу. Они еще долго полосовали Казака «пиками», а через несколько секунд после того, как блатной окончательно обмяк, совершенно озверевший Обезьян распихал всех своих помощников и в дикой ярости принялся раз за разом протыкать неподвижное тело заточенной арматуриной, что-то невнятно хрипя и брызгая слюной. Только через пару минут, совсем обессилев, он пришел в себя. До тех пор никто не решался его тронуть.

– Сучара... – прохрипел он, сплюнув на труп. – Соскочил все-таки. – Он тяжело, со свистом выдохнул и, подняв голову, крикнул: – Что стоите, уроды?! Фельдшера зовите, «хозяина»! Этот гад хоть насмерть никого не порезал?!

Как выяснилось, насмерть Казак не порезал никого. У троих «сук» были раны на руках, у одного – серьезная, глубокая и затронувшая вену. Еще одному Казак сумел ткнуть финкой в грудь, но поскольку на руках у него в это время уже висели, нож вошел всего пальца на три, и угрозы для жизни рана не представляла. Шраму он пропорол палкой от швабры скулу и еще одному порвал щеку. Мелочи вроде пары выбитых зубов и рассеченных бровей никто не считал. Сам Обезьян отделался довольно легко. У него, как установил вызванный фельдшер, оказалась всего лишь трещина лучевой кости на правой руке.

Вместе с фельдшером в «сучье» логово явился и «хозяин» – подполковник Васильев, вместе со своей свитой.

– Что ж ты так неосторожно? – спросил он у Обезьяна, когда фельдшер закончил осмотр.

– Так уж получилось, начальник, – «сука» неловко развел руками. – Борзой он оказался слишком.

– Ты ж тоже не новичок. Мог бы и справиться. Как он «пик» достал?

Обезьян сморщился. Рассказывать, как было на самом деле, не хотелось, но и врать, что блатарь ее пронес с собой, было не лучше. Почему не обыскал тогда?

– Так уж вышло... У Чалого отнял.

Васильев недовольно поморщился. Наказывать «сук» было не с руки. Сейчас для установления «красных» порядков они ему были нужны как никогда.

– Ладно... Смотри, чтобы дальше таких косяков не было, – сказал он.

– Алексей Иванович, что в заключении писать? – раздался голос фельдшера. Он закончил осмотр раненых «сук» и присел над телом Казака. – Какую причину смерти указывать? На нем шестьдесят с лишним колотых и резаных ран, но...

Фельдшер не договорил, всем и так было все ясно. Если в заключении о смерти указать настоящую ее причину, то придется заводить дело и кого-то наказывать. А в данном случае это совершенно незачем.

– Пиши – инфаркт. Так по зоне и объявим, – решил Васильев.

Когда «хозяин» уже возвращался из «сучьего» логова в административное здание, начальник оперчасти подошел к нему и негромко сказал:

– Алексей Иванович, по оперативным данным, блатные готовят «разморозку». Может, не стоит так сильно гайки закручивать? – «Кум» говорил очень уважительно, но твердо.

– Думаешь, я сам не понимаю? – отозвался Васильев, глядя себе под ноги. – Прекрасно понимаю, и про «разморозку» тоже. Но мне нужно именно сейчас гайки закрутить потуже.

– Зачем?

Васильев усмехнулся:

– Оперативная необходимость... Уж ты-то должен понимать, что это такое.

«Кум» кивнул. Он прекрасно понял, что объяснять ему причины своих поступков начальник лагеря не собирается. Но он и сам не совсем идиот. Наверняка эта самая «оперативная необходимость» связана с недавно приехавшим человеком.

Говорят, он даже не из Магадана, а из самой Москвы...

Впрочем, это уже не его компетенция.

– Необходимость – необходимостью, – негромко, словно и не Васильеву, а самому себе, проговорил «кум», – а если «разморозка» все-таки будет, всем несладко придется.

– Постараемся до этого не доводить, – ответил Васильев. По решительному тону было ясно, что это его последнее слово.

7

Из динамиков раздалось несколько мелодичных звуков, а за ними приятный женский голос объявил:

– Уважаемые пассажиры! Пристегните, пожалуйста, ремни, самолет идет на посадку. Компания «Российские авиалинии» благодарит вас за то, что вы воспользовались нашими услугами, и желает удачи во всех ваших делах. – Потом снова послышались те же несколько нот, что и в начале, а за ними какая-то реклама.

Колыма пристегнул ремень и повернул голову к окну. По России он успел поездить немало, но в Грузию его не заносило до сих пор никогда, и ему было интересно посмотреть, на что похожа эта страна, из которой вышла чуть ли не пятая часть всех советских воров в законе. Но с высоты ничего особенно интересного видно не было. Зелено-бурая земля, рассеченная синей черточкой какой-то небольшой речки и тонкими черными ниточками дорог, неровные квадраты и прямоугольники полей...

Земля чуть накренилась – самолет повернулся, ложась на крыло и заходя на посадку. Пейзаж сменился, теперь были видны дальние горы, величественные заснеженные вершины.

Самолет слегка трянуло, на мгновение тело Колымы стало невесомым, сердце ухнуло, а желудок словно бы подскочил к горлу, но все эти неприятные ощущения тут же исчезли. Колыма оглянулся, окинул взглядом салон. Он искал глазами того типа, на которого обратил внимание еще в Москве, когда пересаживался с магаданского рейса на тбилисский.

Вернее, типов было вроде бы даже двое. Сначала появился один, но потом, как раз когда Колыма начал подозревать что-то неладное, он исчез. Зато при посадке в самолет блатной заметил, что вместе с ним в него садится какой-то другой носатый мужик в бежевом костюме, который на протяжении последних десяти-пятнадцати минут уже пару раз попадался ему на глаза. Конечно, может, это было случайностью, но, может, и нет. Хотя слежке вроде бы взяться неоткуда...

Колыма задумчиво покачал головой. С другой стороны, бывает и так, что тому, за кем следят, кажется, что он в безопасности и никто не знает, куда он едет и зачем, а на самом деле это не так. Лучше уж перестраховаться. Самый простой способ – когда народ пойдет на выход, подождать как можно дольше, постараться выйти из самолета одним из последних. Если этот подозрительный мужик в бежевом костюме тоже будет ждать, значит, дело точно нечисто, а если спокойно выйдет раньше, то, пожалуй, можно вздохнуть спокойно.

Колыма почувствовал несильный толчок, когда колеса самолета коснулись земли. Спустя несколько минут началась высадка. Нетерпеливые пассажиры рванули к двери, но Колыма не спешил, боковым зрением наблюдая за проходящими мимо него. Тот мужик сидел дальше от выхода, чем он, значит, пройдет мимо...

Через несколько секунд ожидание закончилось.

«Бежевый костюм» спокойно прошел к выходу, даже не покосившись на блатного. Колыма слегка расслабился. Отлично, значит, у него просто подозрительность разыгралась. А то он уже начал думать, как стряхивать этот «хвост». Встретаться со Сваном, притащив за собой топтунов, было никак нельзя, слишком дело важное. А в чужом городе избавляться от слежки трудно, это в Магадане он как рыба в воде... Ладно, проблемы надо решать по мере возникновения, пронесло на этот раз и хорошо.

Колыма поднялся с места и тоже двинулся к выходу. Получение багажа и прохождение через таможеню не отняло у него много времени. У него с собой была только небольшая сумка через плечо и «дипломат». Единственное, что угнетало блатного, – то, что он не мог захватить с собой никакого оружия, даже пера, без которого он и в сортир-то обычно не ходил. Но

проверки на международных рейсах очень суровые, все боятся террористов, так что лучше не рисковать.

Ладно, местные помогут чем-нибудь обзавестись, решил Колыма, подходя к грязному, похожему на сарай двухэтажному зданию тбилисского аэропорта. «Странно, – подумал он, – помню, Батя про грузинский аэропорт рассказывал, так он говорил, что здесь очень даже ничего. Но он здесь еще при Союзе был, с тех пор многое могло измениться...»

Сейчас аэропорт и правда производил не лучшее впечатление. Огромная толпа народу, беспорядочно мечущегося туда-сюда, шум, суета, толкотня, многоголосая громкая речь вперемешку на русском и грузинском языках.

Колыма вошел в аэропорт, прошел его насквозь и вышел с другой стороны. К нему тут же бросились полтора десятка грузин разного возраста, наперебой предлагая такси. За свои услуги они требовали не меньше, чем их коллеги в Москве. Да, пожалуй, в этом смысле Тбилиси стал настоящей столицей независимого государства.

Колыма решительно помотал головой, отказываясь от услуг таксистов, и отошел на несколько шагов от входа в аэропорт, на место, где его было бы хорошо видно издалека. Его должна была встречать местная братва, люди Свана, и он постарался насколько можно облегчить им жизнь. Хотя, может, они его уже ждут?

Колыма внимательно осмотрелся по сторонам.

Синяя «Волга»? Нет, не похоже. Может, этот здоровенный вишневым джип? Нет, вон два грузина, они явно к нему направляются. Точно, водила их встречает.

Появившийся на дороге черный «Мерседес» резко затормозил перед зданием аэропорта. Из него выскочил высокий широкоплечий грузин в белом костюме и двинулся прямо к Колыме. «Ага, вот и встречающий».

Блатной присмотрелся и подумал, что с этим парнем он уже где-то виделся... Точно! Краснопресненская пересылка! Они тогда вместе сидели, ждали этапа! Вроде бы его погнало Горец.

В этот момент блатному снова показалось, что у входа в вокзал мелькнула какая-то фигура, которую он уже видел, и чуть ли не в Москве, но разглядеть ее получше он не успел – Горец подошел к нему.

– Коля! Здравствуй, дорогой! – Грузин широко раскинул руки, обнял Колыму и поцеловал в щеку. Блатной ответил ему тем же, он знал, что у грузин даже при встрече малознакомых людей принято обниматься и целоваться. Такие уж обычаи в стране, что поделаешь. – Как долетел? Все хорошо? – с характерным грузинским акцентом спросил Горец.

– Здравствуй, Горец! – ответил Колыма. – Долетел нормально, спасибо.

– Вай, я смотрю, ты меня помнишь даже! – сверкнул белоснежными зубами грузин.

– Как не помнить, двое суток вместе сидели, – Колыма знал, что сразу, едва встретившись, говорить о деле здесь считается невежливым, и поэтому не спешил. – Помнишь краснопресненскую пересылку?

– Как же, как же, – закивал грузин. – Слушай, Коля, тебе деньги нужны?

– Нет, – отрицательно помотал головой Колыма. – У меня все есть, ни с гостиницей, ни с чем другим проблем не будет.

– Вах, дорогой, какая гостиница?! – искренне возмущился Горец. – Никакой гостиницы. Ты гость и жить будешь дома, как полагается!

– Ну, спасибо, – кивнул Колыма.

Горец ему понравился. У него и от их давней встречи осталось хорошее впечатление – правильный блатной, перед администрацией спину не гнул, не беспредельничал, да и репутация у него была незапятнанна, но в роли гостеприимного хозяина грузин был еще лучше.

– Тогда давай поедем? – предложил Колыма.

– Поедем, – кивнул Горец. Но лицо у него при этом стало печальным.

– Что такое? – спросил Колыма. – Проблемы какие?

– Это уже и не проблемы. Это по-другому называется, – вздохнул грузин. – У меня ведь для тебя плохие новости, брат.

– Что случилось?

– Убили Свана вчера...

Колыма застыл, как громом пораженный. Несколько секунд он просто никак не мог до конца осмыслить услышанное, но когда смог...

Он мгновенно понял, что таких случайностей не бывает. Это наверняка связано с его делом, не зря ему, значит, слежка мерещилась. Или все-таки зря? Может, здесь все развивалось независимо от него? Если загадочный «груз», который он должен забрать, хранился здесь, у Свана, то про него вполне мог знать кто-то из местных. Ладно, что толку гадать!

– Кто убил, известно? – спросил блатной.

– Нет, – покачал головой Горец. – Мы тут ментов на уши поставили, да и сами сложа руки не сидим, но пока бесполезно.

– Расскажи, как все было.

– Сейчас, только давай в машину сядем.

Оба сели в «мерс», Горец включил мотор, но с места трогать пока не стал. Колыма кивнул – не иначе дистанционных микрофонов грузин опасается, вот и врубил движок, чтобы вибрации все смазывали. Разумно, он и сам так всегда поступает, даже когда не боится подслушки, просто по привычке.

– Короче, так дело было. Он зачем-то заехал ночью в Мэрвэ Полхщи...

– Куда? – переспросил Колыма.

– Мэрвэ Полхщи. Это у нас район на окраине так называется. Не знаю, что Свану там понадобилось, и никто не знает. Но там есть такое место, где к улице, по которой он ехал, идет крутой спуск. А наверху этого спуска – автозаправка. Вот от этой заправки вниз, под горку, покатила цистерна с горючим и прямо в его тачку вмазалась. Внешне похоже на несчастный случай, но никто из наших в это, конечно, не верит. Сейчас ищем хозяев цистерны, но я думаю, они ни при чем. Скорее всего, просто оставили свое имущество на ночь постоять, а кто-то им и воспользовался. Хозяин заправки сказал, что вечером там никакая цистерна не стояла, значит, уже ночью пригнали.

– Ясно, – кивнул Колыма.

– Я думал, может, ты что расскажешь, – сказал грузин с выжидательной ноткой в голосе. – Ты же к Свану ехал, может, его смерть с твоим делом связана. Что у тебя за дело к нему было, скажешь?

Колыма молча вытащил из кармана маляву Бати и протянул ее Горцу. Тот внимательно прочитал и поднял на Колыму глаза, явно собираясь задать какой-то вопрос.

– Теперь ты знаешь столько же, сколько я, – опередил его Колыма. – Я должен был забрать «груз». Какой – не знаю, сам видишь, Батя пишет, что Сван в курсе. Может, ты мне скажешь, что я забрать должен? Ты же теперь за Свана?

– Нет, это не ко мне, – отрицательно покачал головой Горец. В голосе его Колыме послышалась затаенная досада. – У Свана правопреемники остались, – слово «правопреемники» Горец произнес так, словно лично он очень сомневался в том, что они этого достойны, но не мог спорить с решением пахана.

– А кто? – поинтересовался Колыма.

– Скоро узнаешь, – коротко ответил Горец. – Сван, кстати, и завещание написал.

– И что?

– Сейчас приедем, посмотришь. Даже я пока ничего не знаю. Ладно, поехали, что ли...

Горец нажал на газ, и «Мерседес» тронулся с места.

8

В трубке телефона послышались короткие гудки. Подполковник Васильев озадаченно нахмурился. Его собеседник только что оборвал связь. Васильев встряхнул головой, потянулся было к аппарату, чтобы набрать номер того, с кем только что говорил, но его рука остановилась на полдороге. Если Еременцев, дорогой московский гость, пребывающий сейчас в Тбилиси, не рассказал никаких подробностей, то, скорее всего, это означает, что подробностей он пока и сам не знает, а следовательно, и теревить его незачем. Пусть лучше напрягает свои столичные связи, выясняет, что там и как.

Васильев положил трубку на аппарат и еще раз попытался осознать только что услышанную новость: Свана убили. В голове у «хозяина» словно строчка из песни на заевшем проигрывателе вертелись последние сказанные Николаем Петровичем слова: «Ситуация выходит из-под контроля! Видимо, „грузом“ интересуется еще кто-то, кроме нас с тобой и Бати. Те, кто Свана убил!»

Васильев невесело усмехнулся. Да, что и говорить, сильный вывод. Чтобы это понять, не нужно быть гением, и так ясно, что не может такое оказаться случайностью – не успели они заинтересоваться «грузом», не успел смотрящий по Магадану послать за ним своего человека, как того, кто этот «груз» хранил, убивают.

Ясно, что «грузом» интересуется кто-то еще, ясно, что это те же люди, которые убили Свана, весь вопрос в том, кто они? Васильев снова поднял трубку телефона, накрутил короткий внутренний номер и резко сказал дежурному:

– Меня ни для кого нет. Если возникнут какие проблемы, решайте без моего участия. Понятно?

– Так точно... – договорить дежурный прапор не успел, Васильев положил трубку. Ему было необходимо как следует поразмыслить, а он терпеть не мог, когда в такие моменты кто-то отвлекал. Он потом долго не мог снова сосредоточиться на том, о чем следовало подумать. Все дежурные прапоры давно знали об этой причуде и нисколько подобным приказам не удивлялись.

Васильев взял карандаш и принялся выводить на лежащем перед ним на столе листке чистой бумаги замысловатые узоры. Делал он это совершенно автоматически всегда, когда о чем-то глубоко задумывался. Сейчас же предмет для раздумий был очень непростой. Об обстоятельствах гибели Свана Еременцев не сообщил ему практически ничего – только то, что грузина вроде бы взорвали в его собственной машине.

«Кто же это мог быть? – думал Васильев. – Может, Батя каким-то чудом успел... Нет, не может такого быть. Уж кому-кому, а смотрящему это убийство невыгодно в первую очередь. Ему бы Сван „груз“ отдал добровольно, они были старые кореша, а вот что будет теперь – бабушка надвое сказала. Может быть, наследники старого грузина окажутся не такими стоворчивыми и бескорыстными. Да и не успел бы никак Батя. Когда грузина убили, его посланник еще только-только из Магадана вылетал. Правда, если он послал маляву еще кому-то из своих...»

Да нет, нереально. Во-первых, не посылал он больше никому маляв, кроме Колымы и Свана, иначе они с Еременцевым про это знали бы, а во-вторых, даже если бы каким-то чудом умудрился, этот посланник никак раньше Колымы в Грузию бы не успел, самолетов других не было в это время. Нет, это определенно не Батя. У него не было ни мотива, ни возможности.

Тогда кто? Может, грузинские органы правопорядка это дело устроили? Как они там теперь называются, то ли полиция, то ли жандармерия? В общем, неважно, как бы ни назывались, но компромат на высокопоставленных российских чиновников из МВД и Минюста им бы точно не помешал. На худой конец его продать можно за очень нехилые бабки. Но тогда

сразу напрашивается вопрос – если они знали о «грузняке», то почему не отобрали его у Свана раньше? Им-то до него добраться было куда проще, чем российским властям. И к тому же, если бы им нужен был «груз», то взрывать Свана в машине они бы не стали – толку-то с его тупа, он же «груз» не в кармане носил. Хотя, если они сначала его как следует прижали, а потом, как раз для того, чтобы скрыть следы, и устроили этот взрыв...

Васильев задумчиво нахмурил брови.

Нет, все равно не стыкуется. Неясно, откуда они могли узнать о том, что «груз» надо забирать именно сейчас, и чего раньше ждали. Нет, не они. Но кто тогда? Может, кто из России, какой-нибудь конкурент его московского гостя? Хм... Маловероятно. Для этого загадочный конкурент должен был бы знать о том, что происходило здесь, в лагере. Посторонних тут последние полгода, кроме самого Николая Петровича Еременцева, не было никаких, а в то, что какая-то хитрая спецслужба молниеносно завербовала одного из прапорщиков, ему совершенно не верится – жизнь все-таки не голливудский боевик.

Кто тогда остается из возможных кандидатов в убийцы? Какие-нибудь местные конкуренты Свана? Узнали, скажем, про то, что он хочет отдать обладающий немалой ценностью «груз» магаданскому корешу, и решили помешать. Хм, в этой версии что-то есть... Сван вполне мог сообщить о своем решении соратникам, а тем оно могло не понравиться. Или даже...

Да, так, пожалуй, совсем похоже на истину – убить Свана могли его наследники. В самом деле, о «грузе» они наверняка знали, а когда оказалось, что Сван намерен его за просто так отдать, им это не понравилось. Ведь они, скорее всего, считали его главной частью своего наследства – в руках понимающего человека «груз» дороже золота. Да, пожалуй, именно наследники Свана могли спланировать и осуществить его устранение. Теперь, после его смерти, «груз» достанется им, и они уже могут с Бати за него денег потребовать. Они же с ним давней дружбой не связаны, одну зону не топтали.

Васильев довольно усмехнулся. Что ж, голова у него по-прежнему работает неплохо. Конечно, версия – всего лишь версия, но, учитывая то, как мало у него данных, вполне правдоподобная. Нужно будет рассказать Еременцеву, это ему может помочь. Пусть узнает, кто наследовал Свану, и присмотрится к ним повнимательнее.

Но хорошее настроение, вызванное собственной сообразительностью, продержалось у Васильева очень недолго. Спустя пару минут на смену ему пришла озабоченность. По зрелом размышлении, из-за убийства Свана начальник лагеря попадал в не очень-то приятную ситуацию. С одной стороны, стать генералом, переехать с этого долбаного севера в Москву и начать делать карьеру там очень хочется. К тому же приказы Еременцева он должен выполнять, как никак тот ему начальник. И последнее, но самое главное – «груз» может иметь непосредственное отношение и к нему са-мому.

Точно этого, конечно, даже Еременцев не знает, но вероятность существует очень большая.

Так что продолжать игру, как задумано, вполне в его интересах. Но с другой стороны... С другой стороны, все выглядит несколько иначе. Со смертью Свана ситуация осложняется. Не исключено, что «груз» Коле Колыме так просто не отдадут, что он застрянет в Грузии, и так легко, как они с Еременцевым планировали, его оттуда выгнать не удастся. Кроме того, раз в игру вступила некая непонятная сила, от нее можно ожидать самых неожиданных и неприятных ходов. И в любом случае все затягивается. Закончить операцию в ближайшие день-два уже явно не удастся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.